

Мое проклятие

Автор:

[Алиса Ардова](#)

Мое проклятие

Алиса Ардова

Мое проклятие #1Руны любви

Что вы знаете о предательстве? Мой ответ – ничего. Страшно ли это? Не страшнее, чем быть проклятой в день собственной свадьбы. Опасно ли это? Не опаснее, чем оказаться в чужом теле и чужом мире. Больно ли? Не больнее, чем лишиться невинности в объятиях незнакомого мужчины. Смертельно? Не настолько, сколько отмерено отверженной родом душе. Итак, что вы знаете о предательстве?

Алиса Ардова

Мое проклятие

© А. Ардова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

– Будь ты проклята! – протягивая в мою сторону дрожащую руку, с ненавистью выплюнула женщина.

И столько злобы звучало в ее голосе, что я невольно отшатнулась, переводя растерянный взгляд с искаженного лица всегда такой спокойной и благожелательной Светкиной бабушки на выглядывающую из-за ее плеча заплаканную Светку.

Музыка смолкла, в наступившей внезапно тишине слышалось лишь шумное дыхание столпившегося вокруг народа. Разгоряченные выпивкой и танцами, еще недавно самозабвенно отплясывающие, гости теперь полностью обратились в слух, не скрывая своего любопытства, а порой и злорадства, в ожидании продолжения незапланированного шоу.

Непонимание, растерянность, злость. Что я сейчас чувствовала? Что вообще может чувствовать в такой ситуации невеста, на свадебный банкет которой врывается бабушка ее лучшей подруги, волоча за руку эту самую подругу, и начинает с порога выкрикивать что-то маловразумительное и осыпать упреками и оскорблениями?

Конечно, я ждала обеих. С утра ждала. И в загсе. После загса тоже постоянно оглядывалась в напрасной попытке увидеть белокурую головку подруги. То, что не пришла Наталья Владимировна, еще могла понять. Пожилой человек, вдруг ей внезапно плохо стало. Но Светик, как моя свидетельница, обязательно должна была появиться.

На звонки девушка не отвечала. Посланный за ней Вадим – дружка со стороны жениха – вернулся ни с чем, сообщив, что ему так никто и не открыл.

Срочные поиски новой свидетельницы. Настойчивые попытки снова и снова дозвониться до Светы. Назойливые мысли о том, что с ней случилось что-то нехорошее. Красочные картины аварий и криминальных происшествий с ее участием. Утешающие поцелуи Артема, нашептывающего, что все наверняка не так страшно, скоро пропажа объявится, и все выяснится.

Она действительно объявилась. Несчастливая, рыдающая, вместе с крепко удерживающей ее за руку разъяренной бабкой. И все еще больше запуталось.

– Наталья Владимировна, пожалуйста... – сделала попытку хоть что-то понять. – Да что стряслось? Свет, может, ты объяснишь?

Перевела взгляд на подругу, и ощущение надвигающейся катастрофы накрыло с головой. Она не отрываясь смотрела на моего теперь уже мужа, и в ее глазах стыла горькая, тягучая тоска. Не понять, что этих двоих связывает нечто намного большее, чем моя скромная персона, было невозможно.

Сердце застучало быстро-быстро, все внутри будто окатило кипятком.

– Артем? – с трудом узнала в тихом хриплом шепоте свой голос.

Ну разубеди же меня! Скажи, что то страшное, о чем я думаю, неправда. Рассмеши, сводя все к шутке. Уболтай, уговори, ты ведь можешь. Уверь, что вместе мы непременно поможем нашей Светке справиться с ее проблемой.

Но Артем молчал, виновато глядя в сторону. Потом, когда ожидание уже туго стянуло грудь железным обручем, мешая дышать, все-таки заговорил. Но... лучше бы он и дальше продолжал молчать.

– Катюш! Это ничего не значит, правда, – тот, кого я еще полчаса назад с гордостью называла своим мужем, схватил мою ладонь и крепко сжал ее холодными пальцами. – Я любил и люблю только тебя.

Рядом с надрывом всхлипнула Светлана.

Попыталась освободиться из рук Артема. Он не дал, обхватил сильнее и быстро, лихорадочно заговорил:

– Ты была в Лондоне, в командировке, помнишь? А мы на фирме успешное завершение переговоров отмечали. Я тогда много выпил, домой на автопилоте добрался. Одна мысль была: спать. Только раздеваться начал, а тут эта вдруг пришла... – Он неприязненно покосился на Свету. – Зачем – непонятно, знала ведь, что ты уехала. Ну и как-то случайно все вышло.

– Случайно? – качнувшись из-за спины Натальи Владимировны, отчаянным тонким голоском выкрикнула Светка. – А на даче тоже случайно? Катя ведь

тогда уже в Москву вернулась. Да и ты трезвый был. А потом...

– Ну зачем же отказываться, когда так настойчиво предлагают, – похабно улыбнулся Артем, а я вдруг подумала, что совсем не знаю человека, за которого сегодня вышла замуж и с которым собиралась прожить вместе всю оставшуюся жизнь. – Но я тебе ничего не обещал и сразу сказал, что мне нужна не ты, а Катя, и женюсь только на ней.

Подруга съежилась, весь ее гневный запал иссяк. Она обхватила себя руками за плечи, словно пытаюсь согреться, хотя в этот теплый июньский вечер было сложно замерзнуть, и с тоской пробормотала:

– Я беременна.

Мне наконец удалось вырвать ладонь из внезапно ослабевших пальцев Артема. Шагнула к Свете в неосознанном стремлении согреть и успокоить, как всегда бывало, – из нас двоих именно я обычно выступала в роли утешительницы и разгребала проблемы. Но девушка обожгла злым, безумным взглядом, раздраженно прошипев:

– Это ты во всем виновата!

Оторопев от абсурдности обвинения, замерла и тут же снова очутилась в руках мужа. Прижав меня к себе, он процедил:

– Ребенком решила связать? Не выйдет. Если ты такая дура и не смогла предохраниться, то аборт еще никто пока не отменял. А не хочешь – твой выбор. Матерей-одиночек вокруг достаточно, и никто из этого трагедии не делает. – Помолчал и презрительно добил: – Докажешь, что ребенок от меня, буду помогать материально. Но это все, что от меня получишь.

Света снова всхлипнула и что-то забормотала, просительно заглядывая в глаза Артему, но я уже не слушала. С силой оттолкнула удерживающего меня мужчину и сделала несколько шагов назад, стремясь оказаться как можно дальше от двух еще недавно самых близких мне людей. На смену недоумению и неверию медленно, но верно приходило понимание, что жизнь разбилась на мелкие осколки, которые уже никогда не собрать и не склеить.

Моя Светка спала с моим женихом и теперь ждала от него ребенка. Мой Артем изменял мне с моей лучшей подругой, даже не любя ее, просто так, от нечего делать. Мелькнула глупая мысль: «Как хорошо, что мама с папой не видят всего этого». Надо же, впервые порадовалась, что родителей больше нет рядом.

Стянула с пальца внезапно ставшее тяжелым обручальное кольцо, протянула тому, кого так недолго называла мужем:

– Возьми!

Видя, что он не торопится, аккуратно положила символ несостоявшегося семейного счастья на край стола.

– Катя, – вкрадчиво начал Артем, – не надо, не решай сгоряча. Ты ведь любишь меня, я знаю. А я очень люблю тебя. Тебя, а не эту... Она за мною как тень бродила, коровьими глазами за каждым шагом следила, чуть ли не в открытую себя предлагала. Ты одна, как слепая, ничего не замечала. Как же, лучшая подруга, – выплюнул он с отвращением.

Отвернулась, не желая слушать всю эту мерзость, и буквально напоролась на колючий, жесткий взгляд Светиной бабушки.

– Как ты могла? – пожилая женщина задыхалась от переполнявших ее эмоций. – Я в доме тебя как желанную гостью привечала, теплом своего сердца делилась. А ты, улыбаясь, планы черные вынашивала. Змеею подколодной оказалась, обманом парня увела у лучшей подруги. Ведь мы с внучкой тебе доверяли! Не только Светочку обездолила, счастье у нее отняла, и старуху не пожалела. Знаешь ведь, кроме кровиночки единственной, никого у меня больше на всем свете нет.

– Наталья Владимировна, да что вы говорите?! Света, откуда твоя бабушка все это взяла! – беспомощно оглянулась на теперь уже бывшую подружку, и та тут же ринулась в наступление:

– Я с ним первая познакомилась и начала встречаться. Он был бы моим, если бы не ты.

Ну да, Светка с Артемом действительно познакомилась раньше меня. На вечеринке у общих друзей. Я в тот день занята была и не смогла с ней пойти. Помню, она захлеб рассказывала о голубоглазом красавчике, с которым протанцевала накануне весь вечер. Первое время только и было слышно: «Артем то, Артем се». Но прошло несколько недель, мужчина не стремился к общению, и восторги подружки сошли на нет. Потом, когда мы с Темой встретились у тех же друзей и он стал оказывать мне знаки внимания, пыталась вызнать у Светика, как она к этому относится. Но та только отмахнулась: «Дерзай, подруга». И кстати, первой поздравила, когда будущий жених сделал предложение. И вот теперь, оказывается, это я встала на ее пути к счастью и отбила мужчину. А она просто хочет забрать свое.

Вспомнила, что Светлана уже некоторое время ходила как в воду опущенная. В ответ на мои расспросы каждый раз чем-нибудь отговаривалась, я же, охваченная предсвадебной лихорадкой и счастливыми хлопотами, и не настаивала. А на девичнике, за неделю до свадьбы, подружка внезапно решила напиться вусмерть, чего за ней обычно не наблюдалось. Потом, наматывая на кулак сопли и пьяно икая, с подвываниями рассказывала пустому бокалу о своей погубленной жизни и о Катьке-подлюке. Тогда я не придала этому значения. Мало ли что вспомнится после изрядной дозы алкоголя: претензий ко мне за долгие годы тесного общения у нее могло накопиться немало.

А оно вон как обернулось.

– Светочка ведь до последнего надеялась на твою порядочность, ждала, что отступишься, – снова подала голос Наталья Владимировна. – Сегодня утром наконец не выдержала. Видно, совсем неважноту стало девочке моей. В отчаянии ко мне приехала, помощи попросила да во всем созналась. И в своей доверчивости, и в предательстве твоём, и в беременности нежданной. В том, как сбила с толку, запутала ты Артема, голову ему задурила. Вот и сейчас он внучку мою позорит, только чтобы тебе угодить. А сердце его небось к будущему ребенку рвется. Что же ты наделала, Катерина?

Можно многое было бы сказать в ответ. Но эта женщина, душу которой оплели плотной паутиной лжи, не поверила бы ни единому слову. Она уже все для себя решила. Стало противно, захотелось убежать, скрыться ото всех, забиться в самый дальний угол и там, в тишине, зализывать раны.

Видимо, что-то мелькнуло в моих глазах, так как Артем в тот же миг рванулся вперед, снова стараясь сграбастать в объятия.

– Катя! – разнесся по залу его бешеный крик.

– Темочка! – истошным эхом раздалось следом. Света, заливаясь слезами, вцепилась в рукав мужчины в тщетной попытке его остановить. – Пожалей меня, не уходи. Я не могу без тебя, Темочка! Бабушка, ну сделай же что-нибудь, ты ведь можешь. Не дай ей забрать у меня любимого.

С меня было довольно. Не осталось ни сил, ни желания продолжать эту трагикомедию. Отвернулась от своих бывших и направилась к выходу, чтобы уйти навсегда, когда в спину ударил страшный в своей лютой ярости голос:

– Проклинаю!

Наталья Владимировна, почерневшая от горя и ненависти, снова вытянула в мою сторону руку и ставшим вдруг странно глубоким и звучным голосом не произнесла, а почти пропела:

– Я, последняя додола Великой Свы, Матери Времени и Вечности, силой, данной мне кровью и родом, проклинаю тебя! За то, что лишила счастья мою единственную внучку, за то, что отняла у нее любимого мужчину, за то, что оставила без отца ее ребенка. Пусть предадут тебя близкие, как ты предала подругу свою. Пусть первая близость принесет тебе только муку. Пусть страсть мужчины станет для тебя наказанием. Пусть душа твоя пылает, покоя не знает! – Глаза женщины затянулись кровавой пеленой, и она забормотала что-то уж совсем несусветное: – По камням раскаленным, по пропастям бездонным, по топям, по зыбям мечись, крутись, чтобы не было мира, сна, ночи, дня. Лишь печаль, тоска, мрак и тьма. Да будет так!

Оцепенев от ужаса, увидела, как за спиной Светкиной бабушки появилась и, набухая чернильной тьмой, начала разрастаться уродливая крылатая тень. Все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, она вытянулась почти до потолка, качнулась, будто решая, что ей делать, а потом внезапно обрушилась на меня.

Все вокруг заволочло непроглядным мраком. Когтистые лапы, больно царапая кожу, цепко схватили визжащую меня, подняли в воздух и плашмя бросили вниз.

Зажмурившись, приготовилась к неизбежной болезненной встрече с полом. Но встреча эта все откладывалась – я летела и летела со страшной скоростью в бездонную пропасть, пока, наконец, не рухнула на что-то мягкое.

Удар о поверхность был таким сильным, что на миг перехватило дух. Судорожно глотая ртом воздух, пыталась прийти в себя, и это почти удалось, как вдруг что-то тяжелое придавило сверху, опять не давая вдохнуть полной грудью.

– Посмотри на меня, девочка, – жаркодохнула тьма, обдавая лицо сильным винным запахом.

Распахнула глаза и увидела прямо перед собой мужское лицо.

– Вот так, – удовлетворенно пробормотал незнакомец. – Хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда я буду в тебя входить.

Что?!

Завертела головой и задохнулась от изумления, осознав, что лежу без одежды, распластавшись на кровати, а сверху навалился, придавив своим телом, совершенно мне неизвестный и тоже абсолютно голый мужик.

Попыталась оттолкнуть его и вскочить, но руки без труда перехватили, и большая крепкая ладонь прижала их к подушке за головой. Хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Тогда я молча отчаянно задергалась, стараясь освободиться, но незнакомца это только развеселило. Хрипло рассмеявшись, он еще сильнее прижал меня сверху, так, что я не смогла больше двигаться под весом его большого мощного тела.

– Собралась сбежать, девочка? Зря. Я ведь предупреждал: после того как дашь клятву, отказаться уже не получится. Ты добилась своего. Я возьму тебя сейчас – этого не изменить. Успокойся, прими неизбежное, и будет не так больно.

Мужчина с силой развел мои бедра своими ногами и лег между ними.

– Сладкая, – шепнул он, прижимаясь к шее горячим ртом. – Сладкая и такая желанная. Боишься? Твой страх пьянит сильнее вина. Я чувствую, как неистово

бьется под моими губами жилка, выдавая отчаяние и испуг.

Сильная ладонь продолжала удерживать руки, вторая уверенно сжала грудь и, скользя по телу вниз, стала гладить внутреннюю поверхность бедер.

Его действия совсем не возбуждали, напротив, вызывали отвращение, но я уже не дергалась, убедившись, что это бесполезно. Говорить, объяснять, умолять о пощаде не могла, голос по-прежнему не слушался. Просто лежала потрясенная, огорошенная случившимся, отчетливо понимая, но до конца так и не веря в то, что все это происходит именно со мной.

К глазам подступили слезы. Опустила веки, пытаюсь хоть так отгородиться от затянувшегося навязчивого кошмара.

– Я велел смотреть на меня, – рыкнули рядом, в ответ только отрицательно замотала головой. – Непокорная, – хмыкнул мужчина. – Решила поиграть? Хочешь узнать, как наказывают маленьких строптивых девственниц?

«Девственниц? – мелькнула вялая мысль. – Ну, это точно о ком-то другом».

Незнакомец отпустил мои руки, приподнялся, нажал на бедра, разводя ноги шире, и одним слитным движением резко вошел, сразу и до конца.

Беззвучно закричала от затопившей все тело боли.

«Не может быть, не может, – стучало в висках, – я давно уже не девственница».

Чужая рука хозяйничала на груди, властно сминая соски, тяжелое дыхание вперемешку с быстрыми, жгучими, голодными поцелуями обжигало лицо. Движения мужчины – сильные, глубокие – рваными ударами отдавались в висках. В ушах, нарастая, звучал нескончаемый пронзительный звон. Раздавленная яростным напором, ослепшая, оглохшая, немая, я могла только содрогаться в жестких объятиях, пока незнакомец неистово овладевал моим телом. Наконец он громко гортанно застонал и, шумно выдохнув, тяжело навалился сверху.

Через несколько минут его дыхание выровнялось, и он скатился на кровать. Некоторое время мы просто лежали рядом: я – молча глотающая слезы, еле живая от боли и обиды, и он – разгоряченный и довольный. Потом послышалось глубокое ровное дыхание. Медленно перевела на него взгляд и увидела, что мой мучитель заснул.

Сколько прошло времени с тех пор, как меня оставили в покое? Десять минут? Полчаса? Час? Я потерялась в воспоминаниях, вновь и вновь переживая жуткие мгновения, нет, не близости – разве это можно назвать близостью? – соития, животного совокупления. Вот, пожалуй, точные слова. Такие обезличенные, по-медицински отстраненно-равнодушные.

Надо было что-то делать: собраться с мыслями, подняться, пойти... хоть куда-нибудь пойти. Попросить о помощи, в конце концов. Но меня словно выжали досуха: ни чувств, ни эмоций. Лишь одни и те же кадры черно-белого немого кино.

Как-то между прочим, краем гаснущего сознания отметила, что лежу на широкой кровати в огромной, полутемной, незнакомой – кто бы сомневался – комнате. Большие окна с задернутыми шторами, какая-то мебель, кресла, столы и столики, ковер на полу. Все эти образы скользили по грани восприятия, не вызывая ни удивления, ни любопытства.

Странный звук неожиданно нарушил вязкую тишину и, бессознательно заставив прислушаться, наконец-то вывел меня из апатичного ступора. Невольно задержала дыхание, всматриваясь в темноту. Несколько мгновений ожидания, и звук повторился.

Скрип двери. Где-то там, в черноте необъятной комнаты, только что отворилась невидимая дверь.

И снова тишина.

Мы оба замерли, чуть дыша и внимательно прислушиваясь: я и тот, кто сейчас притаился у входа, не решаясь войти. И вот, когда уже отчаялась дождаться хоть каких-нибудь действий со стороны или слишком робкого, или чрезмерно осторожного визитера, раздались легкие, почти неслышные шаги, и темнота

соткалась в грациозную гибкую фигурку. Поздний гость крадучись приблизился к кровати, и до меня долетел испуганный женский шепот:

– Кэти!

Чуть не прослезилась, услышав имя, которое было известно лишь старым университетским друзьям. Когда-то, впрочем, не так уж и давно, во времена веселой студенческой вольницы, мы одно время любили сокращать свои имена на западный манер. Ник. Алекс. Джордж. Мэгги. От «Кэт» я сразу храбро отбилась. Это слово вызывало стойкие ассоциации с незабвенной радисткой из старого советского сериала. Против «Кэти» же возражать не стала. Постепенно поветрие прошло, и однокурсники снова превратились в Никиту, Сашку, Гошу и Марусю. А вот мое прозвище как-то прижилось в нашем обиходе. До сих пор, услышав в трубке веселое: «Привет, Кэти», даже не глядя на номер, с уверенностью могу сказать: звонит кто-то из своих.

Внезапно вспыхнувшая отчаянная надежда стряхнула остатки нездорового оцепенения. Приподнявшись на локте, стала жадно вглядываться в еле различимое в царящем вокруг сумраке женское лицо, пытаюсь отыскать знакомые черты.

Увы! Кем бы ни была гостья, виделись мы с ней первый раз в жизни. Обманутая в лучших ожиданиях, разочарованно выдохнув, рухнула на подушки. Девушка отреагировала на это придушенным писком и, стремительно преодолев оставшиеся метры, склонилась над кроватью.

– Катэль! Что случилось? Все так плохо? Неужели придется звать целителя? – расстроено запричитала она, не забывая, впрочем, делать это как можно более тихо.

Пока раздумывала, как объяснить свое молчание и дать понять, что в данный момент просто не смогу ничего ответить, посетительница меня опередила.

– Ах, да, ты же не можешь пока говорить. Не бойся, это ненадолго. Скоро действие отвара закончится, и голос опять вернется, – зачастила девушка, словно пытаюсь оправдаться. – Ну что так смотришь? Да, я дала тебе отвар корня линиха. Тайком. Так надо было. Для тебя, для меня, для нас обеих... – Понятно: цель оправдывает средства. Мысль далеко не новая. – И вообще, не время

теперь объясняться, потом все обсудим. Сейчас главное – как можно скорее уйти отсюда. – Она испуганно покосилась на спящего мужчину. – Можешь встать? Если да, кивни.

С готовностью закивала. Исчезнуть из этой комнаты очень хотелось. Даже с такой сомнительной провожатой.

– Тогда почему до сих пор отлеживаешься? – Гостя явно решила показательно рассердиться. – Я чуть от ужаса не умерла, дожидаясь. Боялась, что кому-нибудь придет в голову в коридор выйти, и меня заметят. Да и время очередного обхода приближается. А тебя все нет и нет. Решила сама зайти, проверить, что случилось. Не представляешь, какого страху натерпелась, пока дверь открывала, выжидала, к кровати кралась. Жутко боялась, что он не заснул или внезапно проснулся... – Еще один быстрый взгляд на моего соседа по кровати. – А ты лежишь тут как ни в чем не бывало. Отчего сама не вышла?

Девушка ужалила меня обвиняющим взглядом. Даже ногой притопнула для убедительности, но тут же трусливо пригнулась и замерла. В наступившей тишине, казалось, было слышно, как быстро-быстро бьется ее сердце. Не разгибаясь, она чуть вытянула шею, пытаюсь разглядеть, не потревожила ли своим неосторожным движением сон мужчины. Тот вздохнул, заворочался, но не проснулся, а лишь повернулся на бок. Тяжелая ладонь расслабленно упала мне на бедро.

Незнакомка проследила, как чужая рука по-хозяйски разместилась на моем теле, сузила глаза и резко потребовала:

– Поднимайся! Нужно удалиться в свои комнаты, пока саэр отдыхает.

Не стала спорить с очевидным. Отсюда и правда пора было убираться. Причем как можно скорее. Медленно освободилась, добралась до края кровати и осторожно сползла на пол. Перед глазами поплыло, и я, чтобы не упасть, ухватилась за девушку.

– Сама дойдешь? – слышалось раздраженное.

Кивнула. Голова была тяжелой, кружилась, как обычно случается при гриппе. Тело тянуло и ломало так, что ныла каждая косточка. Особенно сильно болело

между ног, пекло просто невыносимо. Но идти я могла.

– А платье твое где?

Пожала плечами. Где-где... Где-то очень далеко отсюда, наверное.

– Ладно. Искать уж точно не будем. Хорошо, что я подумала об этом, – в руки мне сунули что-то темное, на поверку оказавшееся длинной легкой накидкой.

Дождавшись, пока я закутаюсь в мягкую ткань, а потом завяжу на шее широкие атласные ленты, девушка развернулась и, то и дело оглядываясь, стала пробираться к выходу. Поползла за ней.

Мы крались, аккуратно обходя препятствия, стараясь даже дышать через раз, а комната все не заканчивалась. Какое-то футбольное поле, а не спальня! Когда, на каждом шагу обмирая от страха, добрались-таки до выхода и, скользнув в него двумя робкими тенями, оказались за дверью, то не смогли сдержать облегчения. Слаженно выдохнули и радостно улыбнулись друг другу.

Но как следует отдышаться мне не позволили.

– Обход уже совсем скоро. Побежали! – стерев с лица улыбку, прикрикнула спасительница чуть более громким, чем в комнате, шепотом.

Побежали – это сильно сказано. Я и идти-то быстро не могла. Девушка тоже это поняла, передернула плечами и, нервно бросив: «Постарайся не отставать», устремилась вперед по коридору. Мне ничего не оставалось, как, придерживаясь за стену, побрести следом.

Мы шли и шли, поворачивали из одного коридора в другой, шарахаясь в тень и камня от каждого случайного звука. Но одна минута сменяла другую, а никто так и не встретился на пути. В этот поздний час дом купался в ленивом безмолвии и покое и, что самое главное, был пуст. Его обитатели крепко спали, по праву наслаждаясь глубоким, крепким сном. Видимо, все здесь могли гордиться чистой совестью, не иначе.

Обманчивая тишина, монотонные движения и свинцовая усталость притупили бдительность. Я перестала напряженно вслушиваться и постоянно оглядываться по сторонам. Немного расслабилась и наконец-то разобралась в том, что с самого начала не давало покоя, но постоянно ускользало от перегруженного эмоциями и впечатлениями сознания. Несоответствие, которое мой бедный мозг давно отметил, но так и не осмыслил до сих пор.

Я, собственно, была не я.

Плащ полностью скрывал тело. Зеркала, чтобы изучить лицо, поблизости не наблюдалось. Но тоненькая, до синевы белая, почти прозрачная рука, вяло перебирающая по стене длинными, тоже тонюсенькими пальчиками, явно принадлежала кому-то другому.

Ни полнотой, ни выдающимися формами природа меня не наделила, однако годы регулярных занятий фитнесом подтянули и укрепили мышцы, сделав их упругими и плавно-рельефными. И та бледная немочь, что сейчас, выбиваясь из последних слабых силенок, тащилась по коридору, мною, Уваровой Екатериной Викторовной, быть никак не могла.

Твердолобостью я сроду не отличалась. Да и Упрямый Фома не числился среди героев моих младенческих грез, наоборот, в детстве даже пугал своим нездоровым нигилизмом. «Хоть надорвусь, да упрусь», – вспомнилась насмешливая мамина присказка о тех, кто не желал замечать очевидное. Надрывать не собиралась, существование других миров и людей, наделенных особой силой, допускала, о паранормальных явлениях и событиях читала. Еще отчетливо помнила крылатого монстра посреди банкетного зала, его когтистые лапы на своем теле и бесконечное падение в непроглядную тьму. Так что сложить три и восемь вполне себе смогла.

Я в другом мире, в чужом теле. И это самое тело только что, совершенно не церемонясь, грубо поимели, лишив девственности. Пресловутый первый раз, который вряд ли кто из женщин хотел бы пережить вторично. А мне вот повезло. Причем сразу по-крупному.

Как со всем этим быть и что дальше делать, абсолютно непонятно. Куда подевалась законная хозяйка «движимости» и где мое собственное тело, тоже неизвестно. Вообще все неясно, кроме одного: именно Светкина бабушка, ее

сила, воля и слова привели меня сюда. В этот мир, в это тело, в ту постель, к тому мужчине. Вот отсюда и буду плясать. Над этим и подумаю при первой же возможности.

– Кэти, быстрее! Что ты тащишься, как грира, – прошипела из-за поворота моя компаньонка.

Поморщившись – боль так до сих пор и не утихла – догнала нетерпеливо переминающуюся с ноги на ногу девушку.

– Плохо выглядишь, – присмотревшись, бросила она. – Ладно, потерпи, недолго осталось. Скоро дойдем. Тогда и отдохнешь.

Мы спустились по широкой лестнице, миновали еще несколько коридоров и остановились перед высокой двустворчатой дверью. Кажется, пришли. И как вовремя!

Невдалеке слышались приближающиеся шаги, донеслись отзвуки негромкого разговора. Судя по всему, тот самый обход, которым недавно настойчиво меня стращали. Из-за угла вывернули, лениво перебрасываясь словами, двое мужчин, но мы, бесшумно проскочив в приоткрытую щелочку, уже закрывали за собой тяжелую дверную створку.

– Ну, рассказывай! – Девушка, поджав под себя ноги, устроилась в глубоком мягком кресле у окна и теперь нетерпеливо поблескивала оттуда глазами. – Как все прошло?

Огляделась, заметила отсутствие кровати – значит, меня привели в какую-то гостиную – и осторожно опустилась на соседнее сиденье по другую сторону хрупкого столика на витой ножке, исподволь, ненавязчиво разглядывая новую знакомую.

Совсем девчонка, в сущности. Лет двадцать, не больше. Выразительные, чуть раскосые прозрачно-зеленые глаза, аккуратный носик, розовые губки. Прибавьте к этому роскошные темно-рыжие волосы, заплетенные в перекинутую на грудь толстую косу, стройную фигурку и высокую, красивой формы грудь, и картина «Красавица необыкновенная, одна штука» готова.

Хороша, что и говорить. И явно не из простых. Ну не бывает у них таких тонких, породистых черт лица, нежной холеной кожи, а также привычки самоуверенно вскидывать голову и капризно поджимать губы. Одна черта еще может быть. Но чтобы всем этим была наделена какая-нибудь служанка? Маловероятно.

– Катэль! – повысив голос, поторопила меня компаньонка.

Хрипнула что-то невразумительное и, пожав плечами, беспомощно обхватила рукой горло.

– Ты что, все еще не можешь говорить? – девушка подскочила на кресле и, наклонившись вперед, стала недоуменно меня разглядывать.

Может, и могу. Но проверять уж точно не буду. Там, где никого и ничего не знаешь, молчание действительно становится золотом. Слушать, запоминать, делать выводы и, главное, молчать, сколько сможешь, – прекрасный девиз на первое время для того, кто не представляет, во что буквально со всего размаху вляпался.

Удачно, что хоть речь понимаю. Какой-никакой, а все-таки бонус в этой незавидной ситуации. Намного хуже пришлось бы, не зная языка. Совершенно непонятно, как тогда выкручиваться. Осталось бы, наверное, не только немую, но и глухую изображать. Этакую жертву сильного стресса после жестокого насилия. Ясно ведь уже, что проявлять сострадание ко мне здесь никто не собирается, и спасение утопающих... Дальше известно.

Если же еще выяснится, что я и читать умею, то это вообще будет подарок из подарков. Найду местное собрание книжной мудрости – не может в таком огромном доме не быть библиотеки – и тогда... От развернувшихся перспектив даже дух захватило.

– Действие отвара давно должно было закончиться, – вернул меня на грешную землю голос по-прежнему незнакомой мне девушки. Как бы еще так исхитриться, чтобы имя ее узнать. – Я целителя Аривом заставила поклясться, что вреда для здоровья от корня линиха не будет. – Она растерянно нахмурилась. – Ладно. До утра подождем. Тогда уж снадобье точно действовать перестанет. Ты мне главное скажи. Я и так, конечно, догадываюсь, – девушка поморщилась, – но все же... Сиятельный забрал твою невинность?

О, ну на этот-то вопрос я совершенно точно могла ответить. Незабываемые впечатления. И ощущения.

Кивнула. Видимо, меня изрядно при этом перекосило, так как собеседница, если о ней можно так сказать, сразу сникла и почему-то шепотом спросила:

– Это и в самом деле настолько ужасно, как говорят?

Не знаю уж, какие слухи по этому поводу здесь ходят, но радости было мало, это точно. Решив поддержать местных сплетников, тяжело вздохнула и согласно прикрыла глаза.

– А ведь мне это тоже предстоит, – тоскливо протянула девушка.

В ее чудесных глазах появилось затравленное выражение, и начали закипать слезы.

Несколько минут мы молчали. Потом она моргнула раз, другой, выпрямилась и с преувеличенным энтузиазмом зачастила:

– Зато теперь сиятельный обязательно изберет именно тебя своей наидой. – Тень сомнения мелькнула на идеальном лице, и незнакомка, словно убеждая саму себя, повторила: – Обязательно! Ведь ты отдала ему не только невинность, но и чистоту, и он не может не понимать, что... – Она запнулась, бросила на меня быстрый виноватый взгляд, но тут же упрямо тряхнула головой. – Да! Все пройдет так, как было задумано, ну... как мы с тобой задумали. Я стану сиятельной сиррой, его женой, – при этих словах мечтательно-предвкушающая улыбка скользнула по губам рыжеволосой красавицы, – а ты – наидой. И все будет хорошо. Ты только меня, как всегда, во всем слушайся.

Как-то не тянуло соглашаться с ее предложением, но и возражать было опасно. Я снова приложила руку к горлу и скривилась, лихорадочно соображая, что первым делом нужно узнать, кто такая наида, на должность которой меня уже почти избрали. После того что произошло в спальне, ничего хорошего не ждала.

– Катэль, – спохватилась вдруг девушка, – ты ведь сделала все, как я учила? Успела подтвердить на родовом кольце свое добровольное согласие возлечь с

ним на ложе?

Интересно, как можно хоть что-нибудь подтвердить или опровергнуть при полном отсутствии способности говорить? Ведь в спальню к сиятельному, насколько понимаю, Кэти попала после того, как выпила отвар.

«Я предупреждал: после того как дашь клятву, ничего изменить уже не получится», – вспомнился глубокий властный голос.

Мда! По всей видимости, девчонка умудрилась каким-то образом все, что требовалось, подтвердить. Может, отвар был отсроченного действия? Пришлось в очередной раз кивнуть.

– Хорошо! – непонятно чему обрадовалась моя визави. – Значит, я правильно дозу рассчитала. Ладно, поздно уже, давай ложиться, – подвела она итог нашей странной беседы. – Нужно как следует выспаться перед днем выбора. Хочу завтра быть самой красивой сиррой. Затмить всех. Чтобы сиятельный мог гордиться своей сговоренной. Ты ведь понимаешь, как это важно – не дать ему ни на мгновение усомниться в безупречности будущей жены. А еще я должна успеть рано утром забежать к отцу. Ну, чтобы самой рассказать, как все было, – она отвела глаза.

Ясно, собирается папочку «накормить» своей версией событий, прежде чем кто-нибудь другой свежей новостью обрадует.

– Что сидишь, Кэти? Иди уже к себе, – поторопили меня, небрежно махнув рукой в сторону неприметной дверцы, и с досадой добавили: – Какая же ты недотепа все-таки.

Хорошо, пусть будет «недотепа». Я не против, пока, по крайней мере. С таких, как известно, спрос меньше. Вот и дорогу в комнату Катэль любезно подсказали.

Медленно встала и пошла к выходу, гадая, живет ли там еще кто-нибудь и смогу ли я спокойно все обдумать, а потом отдохнуть.

– Кэти!

Оклик в спину заставил оглянуться: девушка стояла, величественно подняв голову, красивая, гордая, уверенная в себе. Ее глаза сияли.

– Послушай, как великолепно звучит: сиятельная сирра Альфииса Крэаз. Все высокогородные дамы императорского двора будут завидовать!

От меня ждали только восторгов. Растянула в улыбке рот и кивнула, искренне надеясь, что сегодня – последний раз. А в голове крутилась и крутилась одна лишь мысль: «Вот я и узнала, как зовут мою незнакомку».

«Альфииса, Аль-фии-са», – повторяя в уме чужое, непривычное имя, чтобы уж точно не забыть и ни в коем случае не ошибиться, аккуратно закрыла за собой дверь и с любопытством огляделась.

В отличие от залитой ярким светом гостиной здесь царил приятный полумрак. Легкое приглушенное сияние, струившееся со стен, наполняло все вокруг мягким теплом и уютом. Скрывая мелкие предметы и детали, оно тем не менее позволяло достаточно точно оценить обстановку.

Не так роскошно и просторно, как по соседству, но и на обитель служанки не похоже. Не каморка, уж точно. Неширокая кровать, уже разобранный для сна. Несколько низких столиков: возле кровати и у единственного окна, полностью занавешенного сейчас плотными шторами. Пара удобных кресел. Узкий резной шкаф в углу. На полу – неброский, пастельных тонов ковер. Ничего лишнего, но вполне пристойно. И, как я могу судить, все это целиком и полностью в моем распоряжении. Уже неплохо.

Боль в теле немного притупилась, напоминая о себе странной тянущей ломотой в суставах и саднящим жжением внизу живота. Сейчас бы под душ! Смыть с кожи грязь, пот, остатки спермы, следы от чужих прикосновений.

Еще раз внимательно осмотрелась, но не нашла никакой другой двери, кроме той, что вела в гостиную. Не было и таза для умывания. Единственной емкостью, в которой обнаружилась хоть какая-то жидкость, был полупрозрачный кувшинчик на столике у кровати. Рядом стоял высокий пустой бокал.

Неприятно, но придется, видимо, потерпеть до утра. Ничего, недолго осталось. Существовало только одно «но». Запекшаяся на внутренней стороне бедер кровь стянула кожу и причиняла сильный дискомфорт.

Подошла к столику. Плеснув воды в бокал, жадно выпила – только сейчас осознала, как пересохло горло. А затем решительно подхватила лежавшую под бокалом тканевую салфетку, вылила на нее все, что осталось в кувшинчике, и тщательно протерла ноги.

Вот так. Теперь в постель.

Как полностью потушить свет, я не знала, и потому оставила как есть. Быстро надела лежащую на краю кровати длинную ночную сорочку, юркнула под одеяло, свернулась там калачиком и стала думать.

Истеричное заламывание рук, выдергивание волос и стенания в духе «за что мне это?» мужественно отложила на далекое «потом». На то время, когда все закончится и можно будет расслабиться и неспешно порефлексировать. Сейчас существенно другое. Что у нас есть в сухом остатке?

А есть у нас я: дура, прости Господи, страшная. Хорошо, хоть самокритичная, что не может не радовать. Артем – кобель бесстыжий. Да и то, откуда у кобелей стыдливость? Отроду ее у подобных красавцев не бывало. Ну и Светик, подружка заклятая. А главное – всегда такая спокойная и доброжелательная Наталья Владимировна, в одночасье превратившаяся в таинственную и зловещую додолу Великой Свы.

День свадьбы, который должен был стать самым счастливым и сохраниться в памяти до конца дней, превратился в россыпь отдельных фрагментов. Набор случайных, разрозненных стоп-кадров, не более. Скандал, перевернувший с ног на голову всю мою жизнь, вообще виделся как в тумане. Единственное, что запомнила четко и досконально, – «профессию» Светкиной бабушки, имя ее покровительницы и проклятие. Стоило лишь сосредоточиться, и в голове вновь и вновь звучали страшные слова, словно кто-то безжалостно навсегда впечатал их в сознание. Это поражало. Впрочем, не больше, чем все остальное, случившееся со мной. Так что я просто добавила еще один факт в копилку под названием «потом» и сконцентрировалась на самом насущном.

На проклятии.

Итак, что же там наобещала щедрая Наталья Владимировна?

Сначала наиболее понятное.

«Пусть первая близость принесет тебе только муку».

Помню, как царапнуло удивлением, когда услышала эти слова. Эта самая близость для меня, Кати Уваровой, давно стала не слишком приятным, немного неловким, но в целом изрядно поблекшим воспоминанием, затерявшимся в калейдоскопе других, более ярких картинок беззаботной студенческой жизни. А вот для Кэти все действительно должно было быть впервые и не так радужно. Только мука ее сполна досталась именно мне.

Что ж, надо полагать, эта часть проклятия сбылась. Все. Вздохнули, от души выругались, перевернули страницу и перешли к менее очевидному. Там, по моему, кое-что похуже имеется.

«Пусть предадут тебя близкие».

Сразу же начинаются вопросы. Чьи близкие? Мои или Катэль? Если прежней хозяйки тела, то речь идет об Альфиисе или о ком-то другом? А вдруг имеются в виду те, кто дорог именно мне? В этом чужом, странном и страшном мире для Екатерины Уваровой не было ничего ценного, никого, кто коснулся бы души, затронул ее струны. Но это пока, а что впереди – неизвестно.

Ладно, постепенно так или иначе выяснится.

Дальше.

«Пусть страсть мужчины станет для тебя наказанием».

Это вот «доброе пожелание» совсем пугает, до дрожи в руках и мурашек по телу. Своей неопределенностью и моей беспомощностью. Особенно если вспомнить хищную силу сиятельного и бессилие хрупкого тела перед ним. Точнее, под ним. О нем ли говорится в проклятии? Недаром же именно этому

мужчине достался такой своеобразный подарочек, причем в самый неподходящий момент. Сегодня ночью мужику и в голову не пришло заподозрить подмену. Распаленный, опьяненный вином и похотью, он не замечал ничего и никого, кроме той, которую так страстно вожделел. А что будет утром, когда он протрезвеет? Или, может быть, проклятие подразумевало не его, а кого-то другого? Или, не дай бог, других?

Так, спокойно! Если бы имелись в виду несколько человек, тогда было бы – «страсть мужчин».

Да, вопросы множатся, ответов все меньше, а паника все больше и больше.

Последние слова Натальи Владимировны я помнила так же хорошо, как и начало ее речи, но там все было совсем невразумительно.

«Пусть душа твоя пылает, покоя не знает. По камням раскаленным, по пропастям бездонным, по топям, по зыбям мечись, крутись, чтобы не было мира, сна, ночи, дня. Лишь печаль, тоска, мрак и тьма».

Жуткое, темное, малопонятное и расплывчатое напутствие заставило поежиться. Буду считать пока, что это просто присказка для красного словца и создания соответствующего эффекта.

Зевнула. Спать вроде бы не хотелось, но усталость чувствовалась страшная. Да и в глаза словно песок насыпали. Утомленный мозг сопротивлялся неизбежному и лихорадочно работал, пытаюсь осмыслить ситуацию, но в последние несколько минут все больше пробуксовывал.

Значит, пора подводить предварительный итог. Ни в коем случае ни с кем в этом мире не сближаться и, если позволят обстоятельства, держаться как можно дальше от сиятельного, да и от других мужчин тоже. На всякий случай. Безумная перспектива вырисовывается, что и говорить: тотальное одиночество или постоянное ожидание удара в спину.

Что ж, на сегодня все. А теперь – спать. Об остальном, следуя мудрым заветам, я подумаю завтра. Перевернулась на другой бок, закрыла глаза и тут же начала уплывать в дрему, как вдруг промелькнувшая молнией мысль резко вырвала из подступающего забытья.

А что у меня все-таки с голосом?

Приподнялась на локте, прислушалась, внимательно вгляделась в закрытую дверь и, не заметив ничего подозрительного, сначала тихо, а потом все громче и громче проговорила:

– Раз! Раз! Раз! Проверка связи. Надеюсь, меня не слышно? Прием.

Глупо, конечно. Но ничего другого на ум в тот момент не пришло.

Голос был слабым и хриплым, будто немного простуженным. Но он был! И это самое главное. Значит, говорить мы уже можем. Только вот никому об этом не скажем, правда?

Я удовлетворенно закопалась поглубже в одеяло и через мгновение уже падала в долгожданные объятия сладких сновидений.

Впрочем, нет, вру. В эту ночь мне ничего не снилось.

Глава 2

Разбудили меня какие-то странные звуки. Медленно выплывала из сна, вяло вслушиваясь и пытаюсь определить, что не так. Наконец поняла. Не было привычного, не затихающего ни днем ни ночью ровного гула далекой Новослободской, утреннего лая рвущихся на прогулку собак, голосов дворников и неизбежного, как рассвет, шума прогреваемого кем-то двигателя. Вместо этого – торопливые шаги по комнате, шорохи, постукивания, звяканье, треск резко раздвигаемых штор. И внезапно громкое у самой кровати:

– Просыпайтесь, госпожа! Посмотрите, утро уже давно наступило, а вы еще в постели. Совсем нынче разоспались. Забыли, какой сегодня день?

Подняла тяжелые веки и несколько секунд недоуменно разглядывала немолодую русоволосую женщину в длинном темном платье простого покроя,

стараясь осмыслить, где я и что вообще происходит.

– Да что с вами, сирра Кателлина? – деятельная незнакомка встревоженно склонилась надо мной. – Вы, часом, не заболели?

Теплая мягкая рука заботливо накрыла мой лоб.

Кателлина... Катэль... Кэти.

Воспоминания о прошлой ночи накатили внезапно. Накрыли волной, подмяли под себя, ударили под дых осознанием своей неотвратимой очевидности. Не выдержав, тихо застонала.

– Ох, Лиос, заступись и огради! – окончательно всполошилась женщина. – Так и есть, заболели. То-то я смотрю, выглядите вы не очень: под глазами круги, бледненькая совсем. И так здоровым цветом лица не отличались, уж простите, но говорю, как есть, а сейчас и вовсе поблекли. Сбегаю-ка я за целителем, пусть посмотрит, а то как бы поздно не стало.

Отчаянно замотала головой. Еще целителя мне сейчас для полного счастья не хватало.

– Что значит «нет»? – правильно растолковала жест не в меру заботливая тетенька. – А чего ж вы хотите?

Мда. Молчание, безусловно, золото, но, как оказывается, не всегда. Придется немного скорректировать планы и начать выздоравливать. Но очень-очень медленно, так, чтобы говорить можно было короткими фразами и только в случае острой необходимости.

– Аль-фии-ссса! – прокаркала хриплым шепотом.

Кажется, получилось достаточно убедительно. В ответ выразительно охнули, и женщина, потрясенная до глубины души печальным зрелищем, взяв сразу с места в карьер, мигом скрылась за дверью соседней комнаты.

Через несколько минут нетерпеливо-тревожного ожидания в комнату вплыла будущая сиятельная сирра. За девушкой маячила фигура ускокавшей на ее поиски спасительницы.

– Ну и зачем ты так настойчиво звала меня сюда? – недовольный голос, брезгливо поджатые губы, холодный, равнодушный взгляд прекрасных глаз. – Что такого произошло у Кэти, что не может подождать хотя бы до завтра? Знаешь ведь, как важен сегодняшний день. Столько сил и времени надо потратить, чтобы выглядеть достойно.

С моей точки зрения, она и сейчас выглядела более чем достойно. Легкое нежно-бирюзового цвета платье красиво облегло ладную фигурку. Роскошные волосы были подняты вверх в нарочито небрежную прическу, открывающую точеную шейку. Щеки девушки покраснелись, глаза сияли в предвкушении грядущего триумфа. Она была чудо как хороша. И, несомненно, об этом знала.

– Сирра Альфииса, я бы не осмелилась, – заторопилась женщина, прижав руки к груди, – но с госпожой что-то нехорошее случилось, голос пропал, лишь хрипит, и то с трудом. Хотела за целителем бежать, да она воспротивилась, вас просила позвать.

Фиса слегка побледнела, видимо, никак не рассчитывала услышать такую новость, и испытующе уставилась на меня.

– Совсем говорить не можешь? – Никакого тепла или заботы, только нервное любопытство.

Впрочем, ничего хорошего от этой особы я и не ожидала, просто еще раз убедилась в верности выбранной ночью тактики. Если не обольщаться по поводу людей, то и больно не будет. Уж лучше так, чем потом страдать.

– Нем-но-го, – старательно просипела и для усиления эффекта страдальчески скривила лицо.

Девушка задумалась, уставившись в стену и постукивая ноготками по поверхности стоящего рядом столика, бросила на меня несколько быстрых взглядов и наконец решилась:

– Хорошо, зови целителя, Мори. Только пусть он прежде ко мне зайдет, а потом уж я его сама к Кэти отведу. – Поймав удивленный взгляд, высокомерно процедила: – Сирра Кателлина – подопечная отца, забота о ней – долг старшей дочери рода.

Почтительно поклонившись, Мори – значит, вот как зовут мою заботливую радетельницу – заторопилась к выходу, а вот Альфииса уходить не спешила.

– Кэти, запомни, – требовательно начала она, едва дождавшись, когда за убегающей женщиной закроется дверь, – что бы ни случилось, ты ни в коем случае не должна упоминать мое имя в связи... с этой историей. Я ничем не смогу тебе помочь, только свою репутацию поставлю под угрозу. А это недопустимо. – Она на секунду запнулась и досадливо поморщилась. – Жаль, так и не удалось объясниться с отцом! Когда пришла, там уже находился саэр Крэаз, и, разумеется, я не решилась войти. Да и поздно уже было что-либо говорить.

Девушка потеряла виски, нервно пройдясь из угла в угол, и снова остановилась перед кроватью.

– Скоро о том, что натворила сирра Кателлина, воспитанница рода Эктар, станет известно каждому. Будет лучше, если подумают, будто отвар корня линиха именно ты у целителя выпросила. Сама. Понятно? Сможешь сообразить, для чего это понадобилось?

Надо же! У приговоренных к казни сегодня самообслуживание? Отрицательно покачала головой: нет уж, милочка, придется самой сочинять подходящую версию.

– Никакой от тебя пользы, – раздраженно прошипела Фиса. – Ну ладно, скажешь, решила добиться своего во что бы то ни стало и боялась, что передумаешь в последний момент, станешь кричать и этим отвратишь от себя сиятельного. В принципе для этого снадобье и было предназначено, так что ты не очень-то и погресишь против истины.

Самодовольно усмехнувшись, деловито продолжила:

– С целителем я побеседую: за его услуги щедро заплачено, и против воли моей он никогда не пойдет. Так что если даже и проболтаешься или предать

вздумаешь, – при этих словах на лице ее мелькнуло странное, пугающее выражение, – никто все равно не поверит. Решат, от отчаяния рассудком помутилась и на ту, что всегда так добра к тебе была, наговариваешь.

Альфииса отвела глаза и, словно прикидывая что-то, негромко пробормотала:

– Может, и хорошо, что ты голос потеряла и никому ничего рассказать не сможешь. Да, пожалуй, все удачно обернулось в конце концов.

Будущая сиятельная помолчала и вдруг неожиданно мягко сказала:

– Нелегко тебе придется, Кэти, но обратной дороги нет. Как поступит отец, и так понятно, – почти сочувственный взгляд. – Теперь все будет зависеть от сиятельного, от его решения. Молись Заступнице и надейся, что все пойдет так, как задумано. Ну а если нет... – не договорив, она отвернулась и пошла к выходу, но у самой двери остановилась, будто наткнувшись на невидимую преграду, постояла пару мгновений и тихо бросила: – Прости!

Через секунду дверь за ее спиной бесшумно закрылась.

Целитель – немолодой худощавый мужчина с умными, цепкими глазами, в неброском темно-коричневом камзоле до колен и такого же цвета штанах – явно не торопился спасать тяжелобольную. Остановившись на пороге, вновь прибывший спокойно рассматривал мое забившееся под одеяло тельце. Встретилась с ним взглядом и мгновенно поняла: если и удастся такого провести, то это будет случайная невероятная удача.

– Мэтр Циольф, что с сиррой Кателлиной? Она внезапно перестала говорить, лишь хрипит, и все, – появившаяся за спиной целителя Альфииса тут же накинулась на него с расспросами.

Мужчина молча прошел к кровати и аккуратно опустился на край. На миг показалось, что он читает меня как открытую книгу и давно разгадал все тайные планы, раскрыл секреты, маленькие хитрости и уловки. Стало ужасно неудобно. От слишком пристального взгляда, от понимающей иронии в глубине усталых глаз. Что он собирается делать? Почему медлит? Сразу сдаст или немного

помучает? И как вообще работают здесь врачи: простукивают, ощупывают, заглядывают в рот?

Словно в ответ на эти вопросы мэтр Циольф поднял руки, осторожно опустил мне на горло и замер. Некоторое время ничего не происходило, а потом ровное нежное тепло легкими волнами окутало шею. Минута, другая, и все закончилось. Мужчина отвернулся, переключив внимание на нетерпеливо покусывающую губы Альфиису, а я замерла в ожидании приговора.

– Ну что могу сказать, сирра Альфииса. У вашей подопечной действительно проблемы со здоровьем: повреждены голосовые связки.

Не поверив своим ушам, удивленно уставилась на целителя. Готова была поклясться, что он с первого же взгляда во всем мгновенно разобрался, поставил правильный диагноз. И вдруг такой поворот.

– Вы сумеете помочь? К ней вернется голос? Когда? – Фиса была само нетерпение.

Видимо, мое состояние каким-то образом нарушало ее планы. Пусть немного, но все же.

– Я подробно отвечу на все вопросы и дам рекомендации, – почтительно склонил голову мэтр Циольф. – Но только после того, как проведу детальное обследование и подробно расспрошу сирру. Конечно, насколько это будет возможно в данной ситуации.

– Но я не могу ждать конца этого вашего обследования, – капризно объявила Альфииса. – У меня сегодня еще столько дел!

– Совершенно не обязательно тратить свое драгоценное время в пустых ожиданиях, сирра Эктар, – в сдержанном голосе только самый недоверчивый слушатель, каким в этой комнате, судя по всему, оказалась только я, мог почувствовать осторожное мягкое давление. – В такой день старшей дочери рода надлежит думать прежде всего о себе. А о результатах я сам уведомя вас. Причем незамедлительно.

Девушка с подозрением уставилась на целителя. Тот ответил безмятежным взглядом человека, которому нечего было скрывать. Похоже, у Фисы каждая минута и в самом деле была на счету – она первой не выдержала, отвела глаза и с явной неохотой, но все-таки отступила.

– Раз вы настаиваете, пусть будет так. – Альфииса старалась скрыть свое недовольство, но оно все равно прорывалось: зло поджатыми губами, гневным блеском глаз, раздраженным трепетом ноздрей. – Только потом сразу же найдите меня. Где бы я ни была. И... и Мори останется здесь.

Если она собиралась этим смутить мэтра, то явно просчиталась.

– Замечательно! – Признательная улыбка казалась совершенно искренней. – Лишние руки мне не помешают.

Неопределенная гримаса в ответ, и будущая сиятельная стремительно покинула комнату, уступив место встревоженной Мори.

Женщина ринулась к моей постели, зачем-то заботливо подоткнула одеяло и застыла неподалеку монументом вселенской скорби, не сводя с мэтра Циольфа преданного взгляда. Тот, не обращая на навязанную помощницу никакого внимания, прошел к окну, достал из кармана невзрачный серый кристалл и, сжав его обеими руками, прикрыл веки.

Мори как-то по-детски восторженно вытаращила глаза, а я замерла, не дыша, зачарованно наблюдая, как под длинными пальцами все сильнее и сильнее разгорается серебристое сияние. Вот оно ярко полыхнуло и погасло.

Мы слаженно выдохнули, вызвав у целителя чуть заметную снисходительную усмешку.

– Вот что, – это уже служанке, – найди моего помощника, думаю, он сейчас в лаборатории, передай кристалл и распоряжение исполнить все в точности, как здесь указано, да побыстрее. Как только мазь Ренелла будет готова, бери ее и немедленно поднимайся сюда. Все остальное Брунис принесет сам.

– Но как же... – Мори явно растерялась: переступая с ноги на ногу, она огорченно хмурила брови и попеременно поглядывала то на меня, то на целителя. – Сирра Альфииса приказала не отходить от вас ни на шаг.

– А еще она велела помогать, не так ли? – вкрадчиво уточнил мэтр Циольф.

– Так-то оно так... – Женщина все еще колебалась, не зная, как ей поступить.

– Неужели не хочешь, чтобы твоя несчастная госпожа поскорее выздоровела? – Да, если уж это не подействует, то больше можно и не пытаться.

К счастью, последний аргумент оказался достаточно веским. Мори решительно кивнула и со словами: «Все передам, как вы сказали, не сомневайтесь, мэтр Циольф» выбежала из комнаты.

Как-то вдруг неуютно стало. От волнения противно засосало под ложечкой и зарябило в глазах. Сморгнула. Стиснула пальцы в кулаки, чтоб не вздумали задрожать не вовремя, потупилась и затаилась.

Заговаривать со мной целитель не торопился. Сгустившую тишину лишь однажды нарушил звук его легких шагов, когда он мягко, почти беззвучно прошелся по комнате. Что ж, беседу в любом случае не мне начинать. Если Циольф отослал Мори, чтобы лишних ушей поблизости не было, то рано или поздно сам скажет, что собирался. А если я ошиблась, и ему действительно всего лишь понадобилось срочно передать сообщение помощнику, тогда тем более молчать надо.

– Меня всегда интересовали травы... – Повернула голову: мэтр снова стоял у окна, на этот раз спиной ко мне. – Сначала это было простое любопытство. Как нары-травницы спасают людей, не применяя магии? Неужели сила растений так велика, что может излечить даже тяжелобольного? Дни, что я провел в лаборатории, исследуя свойства трав, можно сложить в годы. Я много читал, путешествовал, и любопытство постепенно сменилось восхищением, – голос его звучал почти мечтательно. – Мои коллеги гордятся своим искусством и презирают ничтожных травниц. Ну а те не смеют и мечтать о силе, что дарована нам, магам. И только я знаю, какого потрясающего результата можно достигнуть, напивав простой настой малой толикой силы. Ни один маг на свете не изучил лекарственные растения лучше. Неужели вы могли хоть на мгновение

подумать, что сумеете обмануть меня?

Мужчина резко развернулся и теперь буквально буравил взглядом.

– Вам удалось обвести вокруг кольца служанку и сирру Альфиису. Но меня?..

Пожала плечами. Конечно, я и не надеялась одурачить специалиста-медика, но хотя бы попробовать-то надо было.

– Сирра Альфииса была очень убедительна, объясняя полчаса назад, до того, как позволила пройти в вашу спальню, какой версии событий мне надлежит придерживаться. Так же убедительна, как и позавчера вечером, когда явилась за отваром корня линиха. Я не отказал ей тогда, не смог этого сделать и сейчас, – голос Циольфа еле уловимо дрогнул. – Однажды сирра стала невольным свидетелем моего неблагоприятного поступка. Ничего страшного. Но саэр Эктар не стал бы разбираться, а на место главного целителя влиятельного рода всегда найдутся желающие. Да что далеко ходить: тот же Брунис спит и видит себя в этой должности.

Мэтр грустно улыбнулся.

– Я знаю свойства отвара, что взяла сирра Альфииса, предполагаю, зачем он ей понадобился, и представляю, что могло случиться этой ночью. Мне жаль вас, одинокая маленькая сирра, и я помог бы, но не той ценой, что от меня требуется. Вам или сирре Альфиисе – я не должен был давать подобное снадобье, не уведомив своего саэра. Когда о нарушении станет известно, а если вы продолжите изображать больную, это неизбежно случится, я потеряю все. Репутацию, доброе имя, лабораторию, возможность продолжать исследования. Абсолютно все, ради чего живу. Единственный выход для меня – открыть ваш обман старшей родственнице. Сразу же исчезнет необходимость в другой лжи: мне не придется подтверждать публично, что именно вам третьего дня я передал отвар корня линиха. Сам, добровольно, без какого-либо разрешения. И вся эта грязная история останется только между нами тремя. Как, собственно, и предполагалось сначала. Служанка не в счет. Кому интересны рассказы нары?

Он ждал ответа, но я опять промолчала. Если просто хотел сдать, сдал бы сразу. Есть еще что-то. Значит, говорить пока не время.

– Не знаю, для чего вам так отчаянно нужно заставить всех вокруг верить, что почти лишены голоса. Надеетесь, что подобная жалкая уловка поможет избежать наказания или хотя бы его отсрочить? Вряд ли. Впрочем, все равно. Подыграть соглашусь только в одном случае, – ну вот мы и подошли к самому главному, – если признаетесь саэру Эктару, что хитростью украли из лаборатории тот злосчастный отвар. Тогда именно вам, а не мне выпадет держать ответ перед главой рода. Лишь на этих условиях я готов поддержать обман. Понимаю, это усугубит ваше и без того непростое положение. Но после сегодняшней ночи сирре Кателлине практически нечего больше терять. А мэтру Циольфу, напротив, придется потерять очень многое.

Целитель прочистил горло и закончил твердым голосом:

– Ответ дадите немедленно. До того, как вернется Мори.

Ну и какие у меня варианты?

Отказываюсь.

Мэтр открывает Фисе глаза на мое коварство. Та, разумеется, в гневе. Трудно даже представить, как она захочет, а главное, как сможет на мне отыгаться. Единственный плюс – перед главой рода оправдываться не придется. Хотя... Если слух о том, что ночью я пила отвар корня линиха, все-таки какими-то неведомыми путями просочится в массы, что помешает «доброй» родственнице заставить целителя оболгать меня?

Альфииса безмерно дорожит собственной репутацией и до последнего будет настаивать, что снадобье мужчина передал не ей, а мне. Думаю, Циольфа уговорить она сумеет. Отвечать ему при подобном раскладе так и так придется, но Альфиису мэтр опасается, она имеет на него некий компромат, а я целителю никто. Да и зол он на меня будет за то, что не приняла его предложения.

Два свидетельства против одного. Глупо даже сомневаться в том, кому поверят. Я мало знаю пока о бедняжке Катэль, но то, что она по влиянию и степени доверия к ней никогда даже не стояла рядом с Альфиисой – однозначно.

Да уж, выгоды от подобного решения никакой. А вот проблем я огребу столько, что теперешнее положение буду вспоминать с ностальгией и искренними

слезами умиления.

Стоит мне открыть рот, все тут же заметят, что между мною и Кэти, как говорится, две большие разницы. Одно дело прикидываться несчастной больной, никуда не выходить, с трудом отвечать, причем лишь на самые важные вопросы, еле слышно задавать свои. Другое – полностью заменить в повседневной жизни абсолютно постороннего человека. Да и не только в Кэти дело. Я знаю об этом мире не больше новорожденного младенца, и мой первый прокол – лишь вопрос времени.

Разыграть амнезию? А причины? Прикинуться сумасшедшей? Неизвестно, как здесь с безумцами поступают. Может, со скалы сбрасывают.

Короче, куда ни кинь, в этом случае везде клин.

Соглашаюсь.

Главная гадость здесь – обвинение в воровстве вдобавок ко всем моим неприятностям. Но, судя по словам Циольфа, это просто детская шалость по сравнению с тем, что Кэти уже наворотила. Проступком меньше, проступком больше... Боржомом пить все равно уже поздно. А так – куплю молчание мэтра, да и еще кое-что стребую. По крайней мере, попытаюсь.

Итак, лгунья или воровка?

Замечательная альтернатива, даже дух захватывает.

Целитель нетерпеливо кашлянул, давая понять, что больше ждать не намерен, и я рискнула.

– Мэтр Циольф, – после долгого молчания голос был странно низким и сиплым, – я готова подтвердить, что украла отвар. Но взамен прошу помощи. – Мужчина иронично вскинул брови, и я жалобно добавила, стараясь, чтобы звучало поубедительней: – Мне не к кому больше обратиться, поверьте!

– Охотно верю, милая сирра. Никто из рода Эктар не окажет вам поддержки. Особенно после событий прошедшей ночи. А что от меня-то хотите? Разве того,

что я скрою вашу ложь перед сиррой Альфиисой, недостаточно?

– Вы очень добры ко мне, мэтр. Больше, чем кто бы то ни был в этом доме, – пылко заверила мужчину, гадая, не переборщила ли.

Но целитель не возражал, даже кивнул слегка. Значит, Катэль здесь и в самом деле не особо жаловали. О слугах, разумеется, речи не шло.

– Именно поэтому остается уповать только на вас, помогите мне, умоляю, – я даже руки заломила для наглядности, – мне так необходимо хоть чье-нибудь участие.

К глазам подступили слезы, и это уже не было просто игрой. Меня слегка потряхивало, я отчаянно нервничала, соображая, правильно ли просчитала то впечатление, что Кэти производила на окружающих. Доверчивая, покорная чужой воле, не очень умная девочка.

– Пожалуйста! – А вот и пресловутая одинокая слезинка.

– Бедное дитя! – Ну, слава богу, хоть какой-то отклик. – Но что я могу сделать? Спасти вас не способен никто. Облегчить участь – только сиятельный саэр Крэаз. Надеюсь, вы не ждете от меня чего-то сверхъестественного? Положение ужасно, и сами ведь это понимаете.

Ничего я не понимаю, хотя и догадываюсь, к сожалению.

– Я ничего не требую, но даже малость в моем положении, – еще бы понять в каком, – значит очень много.

– Так чего же вы все-таки хотите, сирра Кателлина?

– Пусть все окружающие думают, что у меня плохо не только с речью, но и с памятью, – выпалила я. И торопливо добавила: – Так, ничего серьезного, временное помутнение и небольшие провалы, вызванные... Думаю, такому опытному целителю будет несложно придумать, чем это может быть вызвано... – И пока легкая тень подозрения в его глазах не переросла в нечто большее, постаралась объяснить: – Альфииса от меня слишком многого требует. Если бы

она поверила, что под влиянием болезни я забыла о некоторых ее наставлениях, признательность моя была бы безграничной.

– А маленькая сирра не так проста и наивна, как казалась, – целитель понимающе усмехнулся, а у меня все внутри оборвалось: неужели переиграла?

Но лицо мэтра Циольфа оставалось спокойным. Успокоилась и я. Нет, обошлось.

– Хорошо, – решился наконец мужчина, и сердце наполнилось ликованием.

Получилось! Получилось! Пусть маленькая, но победа. Первая!

– Скажу, что вы утратили голос и заработали временное расстройство памяти из-за того, что по незнанию украли и выпили не чистый отвар корня линиха, а экспериментальный образец с добавлением некоторых других трав и нитей силы. Это, кстати, и с меня снимет все подозрения. Полностью и окончательно. Никому и в голову не придет, что я могу в своей лаборатории хоть что-то перепутать. А вот посторонний человек...

– Кстати, мэтр Циольф, – поспешила перебить, пока этот экспериментатор не надумал, какие еще бонусы можно извлечь из бедственного положения «маленькой сирры», – а вы не объясните, как я попала в вашу лабораторию? Мори вот-вот вернется, а у меня даже предположений пока нет, как это произошло.

Но служанка не вернулась ни «вот-вот», ни когда все разумные сроки давно уже вышли. Минуты текли за минутами. Мы успели тщательно распределить роли в грядущем спектакле. Детально обсудили вероломство злокозненной сирры Кателлины, которая хитростью втерлась в доверие к простодушному целителю и хладнокровно обокрала этого добряка при первой же возможности, тем самым подставив под удар. Вот уже Циольф стал удивленно поглядывать на дверь. А Мори по-прежнему не было.

В конце концов, когда все было уже не один раз оговорено и беседа потихоньку иссякла, сменившись напряженно-выжидательным молчанием, за дверью раздались торопливые шаги, и в комнату даже не вбежала, а практически

ворвалась Мори. Бледная, растрепанная, с самым несчастным выражением лица, она с порога прямо-таки впилась в меня взглядом и больше не отводила его ни на мгновение. Не произнеся ни слова, поставила заказанную целителем мазь на ближайший столик и продолжила с каким-то скорбным любопытством изучать меня.

– Мори, почему так долго?

– А? – Казалось, слова мужчины просто проскользнули мимо ее сознания, заполненного чем-то неизмеримо более важным.

– Мори! – добавил металла в голос целитель, и женщина, слава богу, очнулась.

Впрочем, на Циольфа она так и не посмотрела. И спокойнее не стала, скорее наоборот.

– Ох, мэтр, там... саэр Эктар... а сирра Кателлина... – служанка задыхалась от переполнявших ее эмоций, – несчастное дитя... – Она вдруг тихо заплакала, закрыв лицо руками, и наконец-то отвернулась.

– Понятно, – скривил губы мужчина, – что ж, не буду больше задерживаться. Обследование я провел и лечение госпоже назначил. О твоих обязанностях расскажу позже, сейчас вам обеим совсем не до этого. Зайдешь вечером, после того как глава рода озвучит решение. Ну а я постараюсь навестить сирру завтра. – Помолчал и нехотя добавил: – Если не будет наложен запрет на общение.

После чего, не сказав мне ни единого слова, даже не посмотрев в сторону кровати, мэтр Циольф вышел.

И сразу же меня припечатало к постели праведно возмущенным и до боли узнаваемым:

– Что же вы наделали, сирра Кателлина?

Забавно! Теперь в каждом мире будут клеймить подобным обвинением? Причем самое противное во всем этом – как тогда, так и сейчас – то, что я, как

говорится, ни сном ни духом!

– Почему ты позволяешь себе кричать на меня, Мори? – добавить побольше осиплости в голос и, главное, не забыть, что долго говорить не могу.

Женщина вытерла передником слезы и обожгла обиженным взглядом.

– Вот как вы заговорили, сирра? – Это что, Кэти раньше даже служанке отпор дать не смела? – Теперь вижу, истинно говорят: девушка, утратившая чистоту, теряет и свою душу тоже.

Нет, ссориться с единственным человеком, который так или иначе здесь проявляет заботу обо мне, не стоит.

– Мори, – сказала горько, – мне и так плохо. А тут ты еще...

– Бедная моя госпожа, – тут же растаяв, запричитала женщина. – Как же это случилось? Как такое вообще могло произойти? Неужто забыли все, о чем с рождения неустанно твердила вам покойная матушка? Даже я, простая нара, ее слова накрепко запомнила. А уж вы-то едва говорить научились, а уже, так смешно картавя, старательно повторяли вслед за нею строки из «Наставления для благородных дев происхождения высокого».

Тут лицо Мори преисполнилось важности, глаза одухотворенно засияли. И она торжественным речитативом продекламовала, явно цитируя:

– Много даров ниспослано благородной деве небесами: скромность, благоразумие, усердие, послушание. Но лишь два из них поистине величайшие: девственность – чистота телесная и целомудрие – чистота духовная. Как самые драгоценные из камней в золотой оправе, сияют Девство и Чистота, окруженные почтением, и нет слаще подарка для законного мужа или господина, чем дева, их сохранившая. Только деве невинной и чистой дано будет одеяние брачное. Лишь она примет знак принадлежности из рук господина своего. Взойдя на ложе законное, с почтением поднесет девство сговоренному супругу или хозяину своему. С чистотой же вовек не расстанется, до конца жизни, как величайшее сокровище беречь станет. Дева же, по своей воле отдавшая невинность на ложе незаконном, – да станет Нечистой! Погаснет светильник ее, и провалится она во тьму, на радость Проклятой, презираемая и отверженная всеми. Ибо как напор

смерча огненного невозможно потушить, так душа девы, чистоту утратившей, вовек неисцелима!

Ой, мамочки! Это в какое же мракобесие меня вляпаться-то угораздило. И чем это мне грозит? Чистоту Кэти, полагаю, автоматически утратила, добровольно отдавшись сиятельному... Как это там Мори сказала?.. А, вот: «на ложе незаконном». И теперь я – моральный урод, вылечить меня нельзя, и судьба моя – быть гонимой, оплеванной всеми. Если не похуже что-нибудь.

Надеюсь, хоть пожелание «провалиться во тьму» – несерьезно, а исключительно для придания значимости и выразительности использовано. Или для запугивания, чтоб девам о глупостях думать неповадно было.

«По камням раскаленным, по пропастям бездонным, по топям, по зыбям мечись, крутись, чтобы не было мира, сна, ночи, дня. Лишь печаль, тоска, мрак и тьма!» – тут же с готовностью откликнулась ставшая внезапно просто-таки феноменальной память.

Ну что тут скажешь?

От всей души спасибо тебе, дорогая Альфииса! Удружила.

Ладно, я ни о чем не знала, но Катэль-то как могла пойти на такое? Ведь сама заявила в спальню к пьяному мужику – вот еще вопрос: как-то он очень удачно пьяным в решающий момент оказался, и согласие дала тоже добровольно, что было быстренько запротоколировано неким артефактом.

Покосилась на тоненький золотой ободок, простенький и невзрачный, загадочно поблескивающий на среднем пальце правой руки. Других украшений на мне не было. Судя по всему, это и есть пресловутое родовое кольцо.

Попробовала снять – не получилось. Вздохнула. Погладила пальцем: теплое.

– Может, сможешь, а? Доложишь кому следует, что сиятельный меня силой взял? Что, кстати, и ложью-то назвать нельзя будет. Ведь это Кэти с ним сговорилась, а не я. Меня как раз просто и очень грубо поставили перед фактом. И рта раскрыть, между прочим, не дали.

Кольцо хранило молчание.

А вот Мори молчать не собиралась. Она все говорила и говорила, перемежая печально-сострадательные интонации гневно-обличительными.

– Пускай забыли, что матушка заповедовала, – совсем ведь крохой были, когда ее не стало, – но разве в обители другому учили? В книге этой вашей, что из рук с утра до вечера не выпускаете – все читаете и читаете, о чем-то другом разве написано?

Женщина, неприязненно поджав губы, махнула рукой в сторону окна. Там на маленьком круглом столике лежала даже не книга – брошюрка. Такая тоненькая, что, если специально не обращать внимания, сразу и не разглядишь. Мне, в своей прежней жизни запоем поглощавшей книгу за книгой, даже смешно стало. Вот это недоразумение Катэль усердно читала день за днем? Наизусть заучивала, что ли? Или книжонка – сложный философский трактат, требующий вдумчивого осмысления? Ой, сомневаюсь. Скорее всего, какой-нибудь «Цитатник Председателя Мао» или, не дай бог, молитвенник.

Поежилась. Надеюсь, Кэти не была религиозной фанатичкой. Только этого мне для полного счастья не хватало. В любом случае ознакомиться с любимой настольной книгой предшественницы придется, причем как можно скорее. Чтобы не проколоться на какой-нибудь мелочи и хотя бы на первых порах соответствовать заданному образу.

– Ох, Лиос-заступница! – продолжала причитать неугомонная служанка, не забывая споро передвигаться по комнате, что-то собирая, переставляя, раскладывая какую-то одежду. – Разве такой судьбы желали вам покойные родители? Единственная наследница, славный род. Пусть побочная, самая малая ветвь, но ведь Эктар! Уж на достойный-то сговор точно могли рассчитывать, в уважаемую семью законной женой войти.

Мори оказалась просто бесценным источником сведений, которых так сейчас не хватало. Без всяких просьб и поощрений она щедро выплескивала на меня все новые и новые подробности жизни Катэль. Но как ни интересно было выискивать в ее словесных излияниях крупинки информации и складывать из них историю Кэти, дальше отлеживаться и бездействовать я позволить себе не могла.

Кожей, каждым нервным окончанием чувствовала, что отпущенное на передышку время медленно, но неуклонно подходит к концу. Нарастающее тревожное ожидание, учащенный пульс, громкие удары сердца, отдающиеся в висках. Я знала, была уверена, что за мной вот-вот придут. И собиралась к этому сроку если и не быть во всеоружии, то хотя бы выглядеть достойно.

– Мори, – перебила словоохотливую женщину, – мне нужно помыться и переодеться. Помоги подняться и проводи, пожалуйста. Хочу быть готовой...

– Да-да, госпожа, конечно. Обопритесь на руку. Вот так. Теперь халат. Сейчас быстренько все сделаем.

Встать я могла и сама. Идти тоже. Но где находится дверь в ванную, да и существует ли такая комната вообще, по-прежнему не знала. А так проблема решалась сама собой: чуть навалившись на любезно подставленное плечо, просто следовала, куда вели.

Неожиданные обязанности не помешали женщине продолжить между делом свои поучительно-соболезнующие речи.

– А как погибли родители да старший рода вступил в права попечителя, так все в одночасье и переменялось. Наследство отошло ему как опекуну, в обеспечение, тут уж ничего поделаться нельзя было – все по закону, но мог же он оставить вас в доме! Тогда сохранилась бы надежда в будущем на семейное счастье. Но саэр решил по-иному, и отправились вы, бедняжечка моя, в эту треклятую обитель, – тут Мори испуганно примолкла, а потом торопливо добавила: – Ох, не слушайте вы дуру старую. Саэр Эктар неустанно заботится о своих домочадцах, ему виднее, как судьбу подопечной повернуть. Да и то. Многие семьи младших дочерей в обитель отсылают, и ничего.

Она печально вздохнула, молча опровергая этим свои последние слова.

Тем временем наш дуэт потихоньку выбрался из комнаты в гостиную, к счастью, сейчас совершенно пустую. Тут-то и обнаружилась заветная дверца. Наряду с несколькими другими: одна вела, скорее всего, в спальню Альфиисы, а другая, та самая двустворчатая, памятная мне еще с прошедшей ночи, – в коридор.

В ванной Мори, осторожно опустив меня на стоявший у двери стул, стала хлопотливо перебирать какие-то цветные флакончики, давая тем самым возможность оглядеться.

Собственно ванны здесь не было. Зато имелся небольшой бассейн, выложенный приятной глазу бело-голубой плиткой. Он тут же с шумом стал наполняться прозрачной чистой водой, стоило служанке нажать на почти незаметную панель на стене, лишь чуть-чуть отличающуюся цветом от тех, что рядом. Да, если бы я ночью и обнаружила вход в эту комнату, то как найти панель, совершенно точно не догадалась бы.

Внимательно наблюдая за действиями Мори, чтобы запомнить, что к чему, пыталась одновременно изучать обстановку и с заинтересованно-покорным видом внимать женщине, которая и не думала затыкать свой словесный фонтан.

– А ведь я клялась матушке вашей, когда она оказала мне честь, выбрав в кормилицы своей новорожденной дочурке, что защитой буду, жизнь отдам, если понадобится.

Так, вон тот красный шарик – для подогрева воды. Больше одного не кидать. А этот фиолетовый флакончик с жасминовым запахом – ароматное масло для ванны. Нескольких капель достаточно.

– И как все обернулось? Сначала малышку отняли у меня да в обители заперли. В ноги саэру бросилась, еле уговорила в доме оставить, чтобы девочку свою дожидаться. А вернулись-то вы совсем чужой. Только сирру Альфиису и слушали, лишь ей одной доверяли, как околдовал вас кто.

Все те же мягко светящиеся стены. А приспособление, что слева в углу, очень уж унитаз напоминает. Как раз кстати. И панелька, теперь вижу, та, что немного повыше, тоже по цвету от прочих отличается. В общем, соображу. Полочки, еще полочки, со скляночками-баночками и полотенцами. О! По другую сторону от бассейна – большое зеркало в полный рост. Наконец-то мы с вами познакомимся, сирра Кателлина.

Поднялась, намереваясь обогнуть бассейн и добраться до вожделенного предмета, но по пути меня перехватили, сноровисто раздели и осторожно помогли опуститься в бассейн.

– Ничего не хочу сказать, сирра Альфииса во всех отношениях достойная старшая дочь рода. Но разве не по ее наущению вы решились на такой чудовищный поступок? После обители у вас одна дорога – в наиды, что верно, то верно. А сиятельному саэру в День выбора все рано придется назвать ту, что наметил он в пару своей сговоренной. Вот сирра Альфииса наверняка и уговорила вас все силы бросить на то, чтобы стать наидой ее будущего супруга. И ей удобно, и вам хорошо. Может, оно и хорошо, но не таким же способом! А если он не вас выберет сегодня, если другое имя произнесет, что тогда останется? Смерти недолго ждать придется, это точно. Да ведь намучаетесь перед смертью-то.

Вода баюкала в своих мягких, теплых ладонях. Очищала тело, омывала душу. И я закрыла глаза, расслабляясь, отгораживаясь – от чужой комнаты, от говорливой, но мне, в сущности, посторонней женщины. Хоть несколько минут, да будут мои. А потом? А потом, как водится, на амбразуру.

Хорошего, к сожалению, много не бывает. Оно имеет мерзопакостную тенденцию стремительно заканчиваться. Вот только-только ты, отрешившись от всего, пребывала в приятной неге, чувствуя, как ласковые руки тщательно оттирают грязь с тела, бережно перебирают, промывая, волосы, глядь, а тебя уже достают из воды и осторожно вытирают, закутав в большую, приятную на ощупь простыню.

Жаль, конечно, что купание так быстро завершилось. Но ощущение надвигающихся неприятностей никуда не делось – только усилилось. Так что в любом случае пора готовиться. И внешне, и, самое главное, внутренне.

– Мори, где одежда?

– Ждет в комнате, госпожа, – в голосе отчетливо слышалось удивление, – я все давно приготовила.

Как же тебя отослать отсюда, неотвязная моя?

– А расческа, – нетерпеливо огляделась, – куда ты ее положила?

– Но волосы должны немного просохнуть... – Удивление сменилось растерянностью. – Обычно вы сразу же уходите к себе и только там занимаетесь прической. Знаете ведь, это ванная сирры Альфиисы, а она всегда выражает недовольство, если задержаться здесь дольше необходимого.

– А сейчас я хочу причесаться именно в этой комнате! – Покапризничая-ка самую малость, не из вредности, а исключительно для пользы дела. – Альфииса все равно занята. Ей совершенно не до этого, да и не узнает она ничего. А я не собираюсь потом высохшие волосы раздирать... – покосилась на служанку, вспомнила исторические романы и поправилась: – Чтобы ты раздирала. Здесь влажно, их легче будет привести в порядок. Ну, неси расческу!

Служанка насупленно молчала. Обиделась на «раздирать»? Вздохнула: опять расшаркиваться придется.

– Мори, ты великолепно ухаживаешь за моими волосами. Благодаря твоей заботе они теперь такие пышные и блестящие, – не имею представления, каковы они на самом деле, но, если женщина сейчас не уйдет, боюсь, долго еще не узнаю, в своей комнате я ведь зеркала до сих пор не обнаружила. – Ты же понимаешь, как для меня важно именно сегодня хорошо выглядеть, родная? Даже маленькая песчинка, в нужный момент упав на весы, может многое вмиг изменить.

Не знаю, что повлияло: аргументы или простое слово «родная», от которого у Мори жарко полыхнули щеки и появилась счастливая улыбка, но служанка, не говоря больше ни слова, с самым решительным видом развернулась и вышла из ванной комнаты. Надеюсь, за расческой.

Я же, не тратя попусту ни секунды, рванула к зеркалу, впилась в него жадным взглядом и, не сдержавшись, искренне, от всего сердца выругалась.

Из зеркала на меня, сияя влажными глазами, смотрела не девушка, нет – олененок Бэмби. Юная – не старше Альфиисы, а может, даже чуть-чуть помладше. Стройная, изящная и в то же время хрупкая, тоненькая, как тростиночка. В чем только душа держится? Хотя что это я? Она ведь и не удержалась. Фарфоровая, почти прозрачная кожа. Треугольное личико, чуть вздернутый точеный носик, мягкие, будто припухшие от поцелуев, губы, как раз такие, по моему мнению, и принято сравнивать с лепестками роз. И главное –

глаза. Кто сказал, что они зеркало души? Первая бы над ним посмеялась. Никогда, даже в счастливые годы безоблачной юности, у меня не было такой открытой, наивной, бесхитростной, нетронутой во всех отношениях души, какая взирала на мир из небесно-голубых очей стоявшей перед зеркалом девушки. Довершали портрет густые светлые локоны, окутывающие плечи чудным шелковистым покрывалом.

Что ж, можно с уверенностью утверждать: более непохожего на меня, кареглазую шатенку Катю Уварову, человека трудно было бы отыскать. Причем как телом, так и душой. Прелестная, беззащитная, доверчивая, кроткая. Святая простота. По природе своей потенциальная жертва.

Принято считать, что девичье очарование, неуверенность и слабость вызывают у мужчин стремление защищать, оберегать, холить и лелеять. Может быть, и так. У некоторых. А вот в других, напротив, будят охотничий инстинкт, азарт, желание догнать, подмять, подчинить, овладеть. И что-то мне подсказывает, что Кэти, с ее внешностью и характером, суждено на жизненном пути встречать только и исключительно этих самых «других».

Глава 3

Внутренние часы уже не просто стучали – гремели набатом, неумолимо отсчитывая последние стремительно убегающие минуты моей относительно спокойной жизни. Я почти перестала слушать Мори – ее голос назойливым комариным писком затерялся где-то вдали. Сглотнула пересохшим горлом и, чтобы хоть как-то унять нарастающее снежным комом напряжение, стала повторять про себя незатейливую мантру: «Все будет хорошо! Все обязательно будет хорошо! Все бу...»

Ведь чувствовала. Знала. Ждала. И все равно оказалась не готова к по-хозяйски решительным, громким ударам в дверь. Мори охнула, выронила из задрожавших пальцев расческу и быстрой тенью метнулась к двери.

– Саэр Ритан Эктар желает видеть воспитанницу рода Кателлину Эктар. Немедленно! – ровный мужской голос будто вбивал резкие, острые, как гвозди, слова в крышку моего гроба.

Поежилась. Что за сравнения на ум приходят? И настрой неправильный создают. Надо собраться, не думать о плохом, вообще ни о чем не думать, все – потом. Когда наступит время собирать камни. А сейчас – идти, куда поведут, наблюдать и стараться не допускать ошибок. Все-таки это в некотором смысле мой дебют перед многочисленными зрителями. Вот так и нужно себя ощущать: отстранившись от ситуации, просто играть заданную роль. И будет мне... ну, если не счастье и успех, – в данной ситуации подобного ожидать трудно, то по крайней мере признание, а это уже кое-что.

Ладно. «Не зарвемся, так прорвемся. Будем живы – не порем».

Пока я разбиралась с собой, успокаиваясь и ловя нужное настроение, служанка заголошно металась по комнате, не зная, за что ухватиться. К тому моменту, как появился посланный за провинившейся воспитанницей эскорт, я едва успела высушить волосы, одеться и приступить с помощью все той же Мори к созданию сложной, затейливой прически. Но приказ «немедленно» не допускал разночтений, так что работу над шедевром парикмахерского искусства пришлось отложить. По моей просьбе Мори быстро подняла волосы наверх, незамысловато собрав и сколов их в некое подобие «узла смирения», – лишь бы держалось.

О том чтобы перекусить, хотя бы на скорую руку, речи уже не шло. Кинула тоскливый взгляд на накрытый к завтраку столик. Аппетит в стрессовых ситуациях у меня обычно пропадал напрочь, но выпить горячего чая или чего-нибудь подобного очень хотелось. Не знаю, было ли это результатом действия отвара корня линиха, сильного волнения или по другой причине, но горло просто судорогой сводило от страшной сухости. Однако времени на то, чтобы сделать хотя бы пару глотков воды, мне никто давать не собирался.

– Сирра! – слышалось требовательное, едва только Мори успела заколоть последнюю прядь волос.

Встала, оправила скромное светло-серое платье, развернула плечи, вскинула голову и молча пошла к своим конвоирам.

Как мы добирались до места назначения, помнила плохо. В памяти отложилось лишь хаотичное мелькание роскошно убранных залов, повороты, подъемы и спуски. Неожиданно смазанными тенями выплывали какие-то люди: брезгливо

фыркающие, презрительно насупленные, злые. Чужие. От подобной утомительной чехарды начало слегка подташнивать, и я, обрадовавшись даже, сконцентрировалась на борьбе с неприятными ощущениями. Это хорошо помогало отрешиться от всего остального.

Наконец мы остановились перед высокими, инкрустированными золоченой резьбой дверями.

- По требованию главы рода Эктар сирра Кателлина Эктар доставлена.

Глубоко вдохнула, медленно выдохнула, решительно шагнула в распахнувшиеся двери, чтобы споткнуться о повернувшиеся ко мне лица. Хмурые, сосредоточенные, осуждающие, насмешливые, оценивающие, равнодушные мужские лица. И ни одного женского.

Невольно застыла на пороге.

Просторный зал, оформленный строго и лаконично, высокие потолки, широкие окна. Темные фигуры, стоящие так, чтобы между ними образовалась узкая дорожка. Видимо, именно по ней, как сквозь строй, мне и предстоит пройти... Куда? Посмотрела вперед. Там, на невысоком постаменте, стояло большое массивное кресло с высокой спинкой, и в ту же секунду, лишь только взгляд коснулся сидящего в нем человека, для меня перестали существовать все остальные.

То, что этот суровый рыжеволосый мужчина лет сорока на вид, облаченный в некое подобие камзола, щедро расшитого золотой нитью, - глава рода, поняла мгновенно. Нет, даже не поняла - почувствовала: где-то глубоко внутри натянулась, вибрируя, тонкая, но прочная нить, намертво связывающая нас двоих.

- Подойди!

Тяжелые слова упали, как камни, я почти физически ощутила их непреодолимую силу и власть.

Медленно, неотрывно глядя в знакомые светло-зеленые глаза на надменном холодном лице, пошла к креслу. Сейчас решится моя судьба. О чем будут спрашивать? Что я отвечу тому, кто даже не считает нужным скрывать свое явное безразличие к судьбе воспитанницы? Как оправдаюсь? Надеюсь, отец Альфиисы проявит хоть какое-то, пусть самое крохотное, снисхождение к бедной сироте. Найдет лазейку, поможет выпутаться. Вспомнит, что мы родственники, несмотря ни на что, хоть и дальние.

Но все оказалось намного проще и страшнее. От меня не ждали никаких объяснений и не дали сказать ни единого слова в свою защиту. Приговор был вынесен заранее, сомнению и обжалованию он не подлежал. Не успела я пройти и половину пути, как саэр остановил меня резким движением руки и, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– Согласно древнему закону я, волею небес дваждырожденный Ритан Эктар, силой, властью и правом главы рода ныне отрешаю ту, что звалась Кателлиной Эктар, от рода своего. Да отделится кровь от крови, а плоть от плоти. Да разорвутся узы кровные навечно. Нет у этой женщины более ни имени, ни рода, ни поддержки, ни силы его. Залогом тому слово главы – твердое, крепкое, нерушимое!

Закончив, мужчина встал и протянул в мою сторону раскрытую ладонь. Правую руку будто кипятком ошпарило. Родовое кольцо, которое до сих пор ни в какую не хотело сниматься, легко слетев, золотистой молнией пронеслось по воздуху и плавно опустилось в подставленную ладонь. Саэр усмехнулся, с силой сжал пальцы, и меня поглотила тьма.

Вязкая пелена забытья колыхнулась, и на ее поверхности замелькали неясные тени. Кто-то звал, словно пытаюсь добудиться. Просыпаться отчаянно не хотелось, и я попробовала скользнуть обратно, в черную пустоту, где не было ни мыслей, ни чувств, ни раздирающей в мелкие клочья боли, которая заставляла скулить, свернувшись в плотный клубочек. Но сделать этого мне не дали.

Шелест ткани... позвякивание посуды... Сильные, уверенные руки легко приподняли голову, и к губам, холодея их краем, прижался какой-то сосуд.

– Пейте, сирра. Вам обязательно нужно это выпить, тогда станет немного легче. Ну же!

Повинуясь строгому негромкому голосу стала глотать тягучую горькую жидкость. Как только сосуд опустел, меня перестали поддерживать, и я со стоном упала в подушки. Несколько секунд позволила себе полежать неподвижно, прислушиваясь к ощущениям и пытаюсь склеить кусочки рассыпавшейся памяти, а потом распахнула ресницы.

– Как чувствуете себя, сирра Кателлина? – внимательные глаза мэтра Циольфа смотрели испытующе и, как мне показалось, участливо.

Вот мы и снова встретились. На том же месте, в тех же декорациях – я на кровати, он возле.

– Спасибо, хреново, – ответила автоматически. Тут же, заметив изумленно вскинутые брови, поправилась: – Не очень хорошо, но гораздо лучше, чем до принятия вашего чудо-средства.

– Рад. – Мэтр мимолетно улыбнулся, но тут же лицо его опять посуровело. – К сожалению, бальзам Готта сможет лишь ненадолго облегчить состояние. Скоро придется принять еще одну дозу, я оставлю ее вот здесь, на столике. До вечера продержитесь. А там, – он махнул рукой и скривился, – все так или иначе закончится.

– Что со мной случилось? – не хотелось насторожить целителя своим явным непониманием ситуации, но не задать этот вопрос не могла.

– А вы не поняли, сирра Кателина?

– Все произошло так быстро, – забормотала, пряча глаза. – Я готовилась... думала... Но меня даже спрашивать ни о чем не стали. Эти страшные слова... Почти их не слышала от волнения. А потом – темнота.

– И что же, в обители наставницы не рассказывали о ритуале отречения от рода? – недоверчиво прищурился Циольф.

Неопределенно пожала плечами.

– О нем упоминали вскользь, без подробностей. Больше говорили о том, что надо быть покорными и послушными, тогда никого из нас не коснется это чудовищное, убийственное наказание.

Надеюсь, я правильно поняла принципы воспитания наид. Во всех традиционных закрытых учебных заведениях от девочек всегда требовали примерно одного и того же: повиновения, смирения, кротости, следования нормам и устоям, какими бы нелепыми они ни были.

– Возможно, наставницы и сами всего не знали, – с сомнением протянул мэтр. – На отречении присутствуют только главы семей рода, женщины туда не допускаются. Да и происходит подобное крайне редко. На моей памяти – это всего лишь третий раз, и первый по отношению к девушке.

Он помолчал, задумчиво разглядывая меня, и угрюмо, неохотно продолжил:

– Саэр Ритан прервал связь и отлучил вас, сирра, от рода Эктар. Как видите, – целитель кивком указал на мою правую руку, – он уничтожил кольцо, что было дано вам при рождении, и тем самым лишил связи с родовым артефактом. Резкий разрыв кровных уз страшен, он парализует волю, корежит душу, ломает тело. Вы не выдержали такого удара – да и кто смог бы – и, благодарение Ариву, потеряли сознание.

– Как же я в своей комнате оказалась?

– Предпочли бы так и проваляться до вечера в беспмятстве в центре Зала Совета, нарушая торжественность обстановки и мешая почтенным мужам заниматься важными делами? – иронично вскинул брови Циольф. – Или, может быть, желали, чтобы вас немедленно выкинули за ворота?

– Нет, – поежилась, когда нарисованная богатым воображением картина во всей своей неприглядной красе предстала перед внутренним взором, – здесь в любом случае лучше.

– Вот и саэр Ритан Эктар так решил. Именно по его велению отверженную воспитанницу рода перенесли назад в спальню. Я сейчас здесь по его же приказу, – мужчина испытующе посмотрел на меня. – Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы обольщаться по поводу милосердия нашего уважаемого хозяина? – дождался ответной горькой усмешки и продолжил: – До ночи, пока кровная связь не истончится и не исчезнет окончательно, вы останетесь членом рода Эктар. Изгнанным и презираемым, но не утратившим права находиться в этом доме. Да и у саэра Ритана есть в отношении вас еще кое-какие планы. А вот если сиятельный саэр Савард Крэаз окончательно отвергнет вас, изберет другую девушку своей наидой и назовет на церемонии, завершающей День выбора, именно ее имя, тогда, не сомневайтесь, глава рода выбросит вас за дверь как ненужную сломанную игрушку. И никакие пустые мысли о жалости и сострадании не посетят его, когда будете умирать.

– Почему умирать? – Что еще приготовил для меня этот жуткий мир? – Я вроде бы неплохо себя чувствую, лишь небольшая слабость осталась. А так даже боль прошла.

– Это только начало, Кателлина, – вздохнул Циольф. – То, что вы пережили в Зале Совета, – лишь первое, самое легкое испытание, поверьте. Капля за каплей тело покинут магические, а потом и жизненные силы. Постепенно физические страдания пройдут, унося с собой эмоции, желания, ощущения. Какое-то время оболочка будет просто бездумно существовать, дыша воздухом, не более. А потом и эта как-бы-жизнь угаснет, и вы погрузитесь в небытие. Безвозвратно.

Да я прямо сейчас уже перестала дышать. От ужаса.

– И долго мне... осталось? – только и смогла вымолвить дрожащим сиплым голосом.

– Отпущенный срок истекает на закате, сирра, – мэтр отвел взгляд.

– И что, ничего нельзя сделать? – потянула мужчину за рукав, разворачивая к себе и с отчаянной надеждой вглядываясь в его глаза.

– Выход один: стать наидой, обрести хозяина, а вместе с ним новую родовую связь. Да только кто же вас возьмет-то после всего, что натворили ночью! – повысил голос Циольф. – Зачем доверились сирре Альфиисе? Что она посулила?

Уверила, что сиятельный саэр Крэаз проникнется бедственным положением и непременно остановит на вас свой выбор? Как же вы наивны, дитя. Разжалобить дваждырожденного Саварда Крэаза сложнее, чем уговорить голодного борэша не есть мясо. И тем не менее, – горькая усмешка, – сейчас он единственный ваш шанс на спасение.

– Что же мне делать? – спросила не мэтра – что его спрашивать?.. Скорее себя саму, но мужчина услышал и, как ни странно, ответил:

– Постарайтесь на сегодняшнем отборе произвести на сиятельного саэра благоприятное впечатление. Знаю, вам плохо, больно и страшно, а к вечеру будет еще хуже. Но соберите все силы. Другой возможности не будет.

Целитель сгреб со стола какие-то флаконы и баночки, уложил их в маленький сундучок и явно собрался откланяться.

– Уже уходите? – неожиданно прорвалось жалобным всхлипом, и я крепко стиснула зубы.

Странно, но присутствие этого чужого, не очень расположенного ко мне человека вселяло хоть какую-то уверенность. Остаться одной не хотелось категорически.

– Глава рода наложил запрет на общение, – сухо уведомил мужчина. – Мне было разрешено посетить вас только для того, чтобы осмотреть и поддержать силы. Саэр Эктар хочет дать бывшей воспитаннице шанс присутствовать на отборе в относительно вменяемом состоянии. Я сделал все, что требовалось. Дольше задерживаться не могу.

Он закрыл сундучок и пошел к двери, намереваясь уйти.

– Мэтр Циольф, скажите... – Несмотря на его откровенное нежелание общаться дальше, я все-таки хотела кое-что прояснить для себя. Целитель остановился, давая понять, что слушает. – Почему меня ни о чем не спросили? Почему не выслушали, прежде чем вынести решение?

Мужчина развернулся, насмешливо-удивленно глядя на меня.

– Иногда ваши поступки поражают своей продуманностью, сирра. Но по большей части вы демонстрируете простодушие, граничащее с глупостью. Думаете, глав семей, а тем более главу рода интересуют слова простой воспитанницы, сироты, не имеющей близких родственников? Или вы полагали, что вердикт не может быть вынесен без вашего участия? – Покраснела: именно так я и думала, вспоминая земное судопроизводство. – Первым делом глава рода со всем почтением выслушал сиятельного саэра Крэза. Потом воззвал к родовому артефакту, черпая у него необходимую информацию. В последнюю очередь допросил меня, уточняя картину произошедшего. После чего оставалось только сделать вывод и утвердить приговор. Решение принималось Советом рода за закрытыми дверями, – продолжал разбивать мои иллюзии целитель. – Ну, а его оглашение всегда проводится в присутствии обвиняемого.

– Раз все обстоит именно так, зачем же вы настаивали, чтобы я сама себя оговорила, сознавшись в краже злосчастного отвара из лаборатории? Ведь с самого начала было понятно, что мне не позволят сказать ни слова.

– Существовала призрачная надежда, что саэр Ритан захочет поговорить до заседания Совета. Расспросить, найти смягчающие обстоятельства. Все-таки вы не просто самый ничтожный член рода, а его воспитанница. Я полагал... – Циольф замялся, но через секунду жестко закончил: – Ошибался.

Мужчина замолчал, глядя на меня почти с сожалением. Молчала и я, боясь неверным словом все испортить. Чувствовала, есть еще что-то, существенное и важное, о чем он знает, но пока не хочет говорить. Несколько долгих для меня мгновений мэтр колебался, глядя в пол, а потом произнес нарочито безразличным тоном:

– Что вам известно о родителях, Кателлина?

Что известно? Абсолютно ничего, если честно.

– Я была слишком мала... Почти ничего не помню...

Тянула звуки и время, надеясь, что Циольфу скоро надоест это слушать. Так и вышло. Нетерпеливо махнув рукой, целитель остановил мою невразумительную речь.

– А знаете, что матушку вашу, до того как она стала законной женой саэра Брунора из младшей ветви рода Эктар, хотел избрать своей наидой сам глава рода, Ритан Эктар?

Изумленно хмыкнув, отрицательно мотнула головой. Откуда мне знать-то? Хотя, думаю, и настоящая Катэль вряд ли догадывалась о подобном.

– Об этом мало кто слышал, – подтвердил мои догадки мэтр Циольф. – Во все, что тогда произошло, был вовлечен только очень узкий круг людей. Семья самой девушки, ваш будущий отец и, конечно, саэр Ритан. Я тогда занимал должность помощника главного целителя в доме саэра Умонта Сишора, вашего деда, и совершенно случайно стал невольным свидетелем тех давних событий.

– Что же произошло, мэтр?

Да, это дела давно минувших дней и абсолютно чужие люди, но за то время, что я успела провести в теле Катэль, эта несчастная глупышка как-то незаметно перестала быть посторонней, и судьба ее родителей странным образом заинтересовала и взволновала. Кроме того, в душе зрела твердая уверенность, что случившееся так или иначе и саму меня непременно заденет. Если уже не задело.

– Юная Адельвен очаровала Ритана Эктара с первого взгляда. Ваша матушка никоим образом не могла составить ему выгодную партию. К тому же у почтенного саэра уже имелась сговоренная невеста – старшая дочь известного своим влиянием и богатством рода. И Ритан решил взять понравившуюся девушку в свой дом наидой, о чем предварительно и уведомил ее родителей. Умонт Сишор был оглушен страшной новостью, не к этому готовил он свое дитя. Пусть не очень знатная и богатая, юная сирра все же могла рассчитывать, что войдет однажды законной женой в достойную семью из дальней ветви какого-нибудь малого рода. Отец любил ее, но не мог противиться главе одного из первых родов империи. И когда саэр Эктар при встрече дал понять, что в День выбора намерен провозгласить Адельвен наидой, не решился возражать, попытался смириться с тем, что его единственной девочке уготована судьба не жены, а женщины для утех.

– Какая судьба? – переспросила растерянно.

– Вы и этого не знаете? – скривил губы в язвительной усмешке Циольф. – Что же, ваши наставницы никогда не упоминали, как переводится с древнего языка слово «наида»?

– Нет, – не моргнув глазом, выдала я. Ну не поедет ведь он проверять в самом деле.

– Странно, – задумчиво протянул мужчина. – Впрочем, не мне судить о том, чему и как должно обучать в обители.

– Мои родители, – нетерпеливо напомнила, уводя мэтра от опасной для меня темы.

– Да, – встрепенулся целитель. – Молодой Брунор Эктар едва успел к тому времени пройти второе рождение и только-только возглавил семью. Одна из самых младших ветвей, небогатая, почти никому не известная. Он вряд ли ожидал, что хоть кто-то согласится заключить с ним брачный сговор, и не мечтал обрести в тот год супругу. Как и многие неженатые саэры, приехал в День выбора в надежде осмотреться, прикинуть возможные будущие варианты. И там, за три часа до церемонии, увидел Адельвен. Что Брунор говорил отцу девушки, как сумел его убедить – осталось между ними. Скорее всего, Умонт Сишор, искренне радеющий за свое дитя, предпочел все-таки видеть ее женой простого саэра, а не наидой главы могущественного рода.

– Но ведь дед знал, что саэр Ритан собрался взять его дочь женщиной для утех, – сказала и поморщилась: какое мерзкое словосочетание. – Как же он решился пойти против воли сильнейшего?

– Собрался, да, но не огласил еще своего решения – это должно было произойти как обычно, в конце Дня выбора. Чем и воспользовались отец и будущий жених. опередив главу рода Эктар, они еще до церемонии заявили о сговоре между собой и о заключении брачного соглашения. Ритан ничего не смог сделать, традиции были на стороне саэра Сишора. Если семье поступает одновременно несколько предложений, и она выбирает, отдать дочь в жены или в наиды, первый вариант всегда определяется как предпочтительный. У главы оставалась еще надежда, что Брунор не сможет в короткий срок купить себе женщину для утех, тогда и сговор объявят недействительным. Закон строго обязывает в день подписания договора называть имя выбранной наиды. Но вашему отцу удалось

очень быстро найти семью, которая совсем уже отчаялась сбыть с рук невзрачную, с физическим изъяном девушку, и обо всем условиться. По согласию с саэром Сишором на откуп пошло все то небольшое приданое, которое Брунору полагалось получить за невестой.

У меня нет слов. Просто мексиканский сериал какой-то.

– И что, вот так все и закончилось? – Я видела главу рода Эктар собственными глазами, и мне совершенно не верилось, что этот расчетливый, холодный мерзавец мог легко и просто спустить кому-либо подобное унижение.

– Поначалу казалось, что да. – Мэтр Цольф невесело улыбнулся. – Саэр Ритан смирился, по крайней мере внешне. Брунор и Адельвен жили тихо и незаметно, в покое и согласии. Ваш отец очень нежно относился к жене, что крайне редко встречается среди саэров. Он даже наиду брал на ложе лишь в случае крайней необходимости. Молодой саэр оказался рачительным хозяином, его заботами семья приобрела определенный достаток. Родились вы. А потом... – лицо целителя помрачнело.

– Что потом? – подавшись вперед, жадно спросила я.

– Потом, – голос мэтра стал сухим и жестким, – саэр Умонт Сишор погиб на охоте, саэр Ритан Эктар на этой же охоте серьезно пострадал, а саэр Брунор Эктар был объявлен виновным в происшедшем и казнен по приговору главы рода.

– То есть все того же Ритана Эктара? – уточнила я.

– Да, – короткий, но абсолютно исчерпывающий ответ.

– А... мама?

– Сирра Адельвен и найда саэра Брунора на следующий после казни день были найдены мертвыми в своих покоях. Отравились с горя, как гласил результат расследования. Вас же немедленно отвезли в дом главы рода, и через неделю, после соответствующей церемонии, саэр Ритан Эктар вступил в права опекуна, приобретя полную власть над вами и привилегию решать судьбу своей воспитанницы как ему заблагорассудится.

– Вы хотите сказать... – медленно начала я.

– Все, что хотел, я уже сказал, – перебил целитель, – и ничего уточнять не собираюсь. Более того, если вам придет в голову повторить рассказ и призвать меня в свидетели, стану настаивать на том, что это лишь плод вашего воображения. – Он скривился, но продолжил: – Но если информация хоть немного поможет, буду рад.

Ну что тут скажешь?

Мэтр Циольф помедлил пару минут, словно собираясь еще что-то добавить, но потом коротко кивнул и удалился, оставив меня в гордом одиночестве и растрепанных чувствах.

Минуты лениво и сонно шелестели одна за другой, грозя обернуться часом, а ко мне так никто больше и не пришел. Ни для того, чтобы поохать, попричитать, ни для того, чтобы дать ценные указания, ни для того, чтобы объяснить наконец-то, что делать дальше. Я уж не говорю о поддержке и утешении. Об этом с самого начала речи не шло. Вспомнился пресловутый запрет на общение. Ко мне что, даже Мори теперь не пускают? Как же я одна выкарабкиваться буду? Ничегошеньки ведь не знаю, ни в чем не ориентируюсь. Даже где должен проходить этот чертов отбор, не представляю совершенно. Умру потихоньку к вечеру прямо тут, всеми забытая. Покосилась на оставленный целителем флакон. Хорошо хоть без боли отойду, и то ладно.

Мысли о собственной смерти почему-то не ввергали в панику, не заставляли цепенеть от ужаса, как полчаса назад.

«Постепенно физические страдания пройдут, унося с собой эмоции, желания, ощущения», – всплыли в памяти слова Циольфа.

Так вот как это происходит. Я просто прекращу что-либо чувствовать, к чему-либо стремиться и бороться за жизнь тоже перестану. А то, что меня запрещено посещать и не с кем перекинуться словечком, лишь усугубляет положение. Пока все только чуть-чуть притупилось, но, если так пойдет дальше, причем по нарастающей, печальный конец неизбежен. Нарисованная разыгравшимся воображением картина леденила кровь. Не просто умирать, а умирать

спокойным овощем – вдвойне горько и обидно. Поразмыслив, решила любезно оставленное Циольфом чудо-средство второй раз не принимать. Пусть боль вернется, она поможет выдернуть душу из медленно поглощающего ее липкого безразличия.

В попытке хоть как-то встряхнуться встала, подошла к окну. Некоторое время любовалась ухоженным парком, рассматривая диковинные деревья, роскошные цветники и аккуратные, усыпанные гравием дорожки. Но за окном ничего не менялось, не происходило, там было на удивление пусто. Мне быстро наскучило разглядывать однообразный безжизненный пейзаж, а вместе со скукой вернулась и апатия.

Спасло, как ни странно, бесцельное хождение по комнате. Начала повторять про себя стихи, что помнила наизусть, а знала я их немало, потом перешла к самым что ни на есть веселым песням отечественной и зарубежной эстрады. Лучше, конечно, было бы вслух исполнять, с чувством, громко-громко, но чего нельзя «почти потерявшей голос девушке», того, увы, нельзя.

Стало немного полегче. Решила передохнуть и снова причалила к окну в слабой надежде на то, что в парке, пока я отсутствовала, произошло хоть что-нибудь интересное. Обманувшись в ожиданиях – картина за окном по-прежнему ничем выдающимся не радовала – уже совсем было собралась продолжить монотонную прогулку из угла в угол и перейти к таблице умножения, как вдруг взгляд упал на ту самую брошюрку-цитатник, которую, если верить Мори, так нежно любила прежняя Кателлина.

Что ж, самое время ознакомиться. Может, больше и возможности-то не представится.

Как я и предполагала, это оказался сборник таких своеобразных афоризмов и наставлений. Крупные буквы, короткие, емкие фразы, пробелы между абзацами – все служило тому, чтобы в памяти будущих наид навечно отпечатались несколько незатейливых истин. Одно название чего стоит – «Счастливая звезда наиды».

«Люби Господина своего, и его благосклонный взгляд коснется тебя, служи ему каждый миг жизни своей, и его сердце расположится к тебе», – читала я со все возрастающим ужасом и невольным восхищением перед хорошо проделанной

работой составителей цитатника.

«Чти Господина своего как почитаешь Горта, Верховного бога нашего, и не обрушатся на тебя гнев и карающая десница его».

Да, зомбирование и промывание мозгов в чистом виде.

«Люби законную жену Господина своего как старшую дочь матери твоей, и не оставляй пути мира».

Резюмирую: нет в доме для тебя, наида, бога, кроме господина, а законная жена – пророк его.

Мне надоело расхаживать. Вернулась к кровати, не отрываясь от чтения, угнездилась со всеми удобствами и, болтая ногами, продолжила изучение занимательной книжицы. В душе, постепенно заполняя ее целиком, росла и крепла какая-то веселая злость.

«Восходящее солнце пусть застанет тебя за молитвами о здравии Господина твоего, а вечерняя заря – готовой по первому же велению возлечь на ложе его».

В общем, женщина для утех, особо не напрягайся. Ибо судьба твоя проста и однозначна: молись и е... Ой, что-то меня не туда понесло. Но как противно-то, кто бы знал. И эту участь уготовил мне любезный опекун и усугубила заботливая Альфииса? Хотя куда уж тут дальше усугублять.

«Проводи дни в неустанной заботе о благе и удовольствии Господина своего и всечасно помни, восхваляя, милости его».

Я так увлеклась, что не сразу услышала звук открываемой двери. Только через несколько мгновений перегруженный шокирующей информацией мозг наконец-то осознал, что в комнате помимо меня есть еще кто-то. Резко вскинула голову и наткнулась на внимательный взгляд почти прозрачных светло-серых глаз.

Я помнила эти глаза. Как же хорошо, оказывается, я их помнила!

Собственно, от обладавшего мной мужчины ничего, кроме них и низкого голоса, то жарко шепчущего, то властно приказывающего, в воспоминаниях после той страшной, первой в этом мире ночи не осталось. Забылись лицо, руки, фигура. А может, в оглушенном сознании они и не запечатлелись вовсе. Но эти завораживающие глаза вычеркнуть из памяти не смогла. Правда, тогда, ночью, они показались мне темными, почти черными. Но не узнать их было нельзя. А значит, и их обладателя тоже.

Саэр Савард Крэаз, сиятельный и дваждырожденный – кажется, ничего не забыла? – изволил почтить своим присутствием комнату отлученной от рода и теперь медленно умирающей девушки Кателлины. Впрочем, его стараниями уже даже и не девушки.

Познакомиться пришел? Или полюбоваться на странную девицу, что по собственному желанию к нему «на ложе незаконное» прыгнула, даже наказания не испугалась? Вот посмотрит сейчас саэр на меня повнимательней и стопроцентно решит, что ему даром не надо этакого тощего цыпленка в наиды. Ну какая из подобной немочи «женщина для утех»? Обнять и плакать, больше ничего.

Я, конечно, сама к Крэазу в объятия не торопилась, пугал он меня до дрожи. Но альтернатива – постепенное угасание и смерть до полуночи – привлекала еще меньше.

«Посмотри на меня, девочка!»

Не успела толком сообразить, прозвучали ли слова на самом деле или просто всплыли в моей памяти, а уже замерла покорным кроликом, не отрываясь от гипнотических очей усмехающегося напротив удава.

– Подойди!

А вот этот приказ я расслышала абсолютно четко. Расслышала, разозлилась и, как ни странно, обиделась. Поэтому решила его проигнорировать. Может, сиятельный и считает себя великим Каа, только вот мне бандерлогом совершенно точно быть не хочется.

«А еще они называли тебя желтым земляным червяком».

Неожиданное воспоминание, несмотря на всю напряженность ситуации, вызвало мимолетную улыбку, помогло стряхнуть овладевшее мною нездоровое оцепенение.

Поспешно отвела взгляд и стала исподволь разглядывать мужчину, отчаянно стараясь при этом не встречаться с ним глазами.

Высокий, стройный. Лет тридцати по земным меркам, ну или около того. Прямая спина, гордая посадка головы. Чувствовалось сразу – передо мной человек, привыкший повелевать и не терпящий возражений.

Черный, отлично скроенный костюм плотно обтекал фигуру, не скрывая, а, напротив, подчеркивая ее достоинства. Поджарое, мускулистое тело, широкий разворот могучих плеч – все явно указывало на пристрастие к аристократическому искусству фехтования. Ну не в спортзале же он эти мышцы наработал! Волевое, хищное лицо с высоким лбом, правильными чертами и неожиданно трогательной ямочкой на упрямом подбородке. Крепко сжатые чувственные губы. Короткие, жесткие даже на вид, темные волосы. Никаких тебе кос до пояса или густой гривы, волной окутывающей плечи, как принято у героев фэнтези.

Наверное, он был красив. Но красота эта не коснулась моей души и не согрела сердце. Умиряющая лань, которую подмял под себя голодный лев, тоже теоретически может оценить грацию, силу и привлекательность своего убийцы. Если успеет. Но не более. Да и не до этого ей будет.

Вот и мне было не до этого.

Все силы уходили на то, чтобы не поддаться властному призыву сиятельного. Вспоминала цитаты из только что прочитанной книжицы и чувствовала, как удушливой волной накатывает ярость, помогая бороться: и с приказом мужчины, и с затаившейся где-то глубоко апатией, ждущей лишь мгновения слабости, минуты усталости, чтобы, ворвавшись ликующим победителем, навсегда захватить в плен душу и тело.

– Ночью не все рассмотрела? – лениво-насмешливый голос разозлил еще больше. – Я настолько понравился тебе, девочка, что ты прямо сейчас,

немедленно, жаждешь продолжения? Поэтому с таким вождением меня изучаешь?

Это он мое, пусть неуместное, но вполне оправданное любопытство, стремление увидеть наконец, кем покарала Катэль суровые местные боги, принял за попытку соблазнить его? Ничего себе выводы! Так удивилась, что даже забыла, что зареклась встречаться с саэром взглядом. Вскинула голову и с недоумением уставилась в ехидно прищуренные глаза.

- Ты решила не вставать, не подходить, - пояснил сиятельный мерзавец в ответ на откровенное удивление. - Ждешь в постели, недвусмысленно приглашая тем самым на свое ложе. Умница, быстро оправилась после первой ночи, даже не ожидал. Что ж, у нас не так много времени, но игнорировать столь откровенное предложение я не могу. Да и не хочу, если честно. А тебе все равно нечего уже терять. Готова подарить мне удовольствие прямо сейчас?

Провоцирует или правду говорит?

В любом случае проверять не собиралась. Да и дальше сидеть на кровати тоже. Бог знает, какие еще обычаи и предписания существуют в этом во всех отношениях ненормальном мире. Торопливо подскочила и на всякий случай отошла подальше от «ложа», молчаливо признавая, что этот раунд остался за сиятельным.

- Подойди, девочка! - все тот же спокойный и властный голос.

Что уж теперь? Подошла, остановилась рядом, глядя вниз и старательно натягивая на лицо выражение отстраненного безразличия.

- Посмотри на меня!

Неужели заклинило? Или у него для женщин набор только из двух команд существует? Маловато как-то. Надо еще «ложись» прибавить - вот тогда полный порядок будет. «Подойди, ложись, смотри» - что еще мужику нужно?

Сильные твердые пальцы, жестко ухватив за подбородок, дернули его вверх.

Вздрогнула и отвела глаза в сторону.

Мужчина, рассмеявшись, убрал руку. Не успела облегченно вздохнуть, как он вновь потянулся к моему лицу. Напряглась, не зная, чего ожидать, но сиятельный опять удивил. Неожиданно мягко провел по щеке, подушечкой большого пальца скользнул по губам, спустился ниже и, едва касаясь, очертил жилку, что рвано пульсировала на шее.

Дернулась, пытаюсь освободиться от неуместного прикосновения.

- Непокорная, - хриплый смешок, - все еще непокорная, хоть уже и не девственница.

Рука, ставшая неожиданно грубой, резко схватила за шею, больно сдавливая нежную кожу, чужое лицо стремительно приблизилось, и ухо опалил злой шепот:

- Так зачем же ты на самом деле приходила ко мне той ночью, строптивница?

Вот и что ему ответить на этот, казалось бы, простой и понятный вопрос?

Экстрима захотелось? Нет, такую шутку сиятельный точно не оценит. Не стоит даже пробовать.

Рассказать о планах Альфиисы? О том, что ушлая девица задумала заполучить в новую семью не «темную лошадку» из другого рода, а хорошо выдрессированную, покорную ее воле глуповатую родственницу? Ведь именно потому она и подложила Катэль под будущего мужа, одурманив несчастную радужными картинками совместного счастливого существования и настойкой корня линиха. С этой настойкой, кстати, тоже не все так ясно, как с первого взгляда кажется. Целитель передал моей старшенькой чистое снадобье, в этом нет сомнений. Но почти уверена, что предприимчивая Фиса туда потом и от себя какую-то дрянь накапала. Чтобы Кэти посговорчивей была и грандиозных планов, не дай бог, своей строптивостью не нарушила.

А может, сиятельному выложить подозрения по поводу саэра Ритана Эктара? Терзают меня смутные сомнения, как говаривал герой известного фильма, что

глава не просто догадывался обо всем происходящем. Без его прямого участия однозначно не обошлось. Ну не могла капризная домашняя девчонка, какой, в сущности, и была Альфииса, несмотря на всю ее стервозность, сама все замыслить и провернуть. Узнать об отваре, найти подход к целителю, подобрать нужные слова для Катэль, запутать и полностью подчинить несчастную девушку. Да и саэр Крэаз очень уж вовремя умудрился напиться и расслабиться. Как будто специально стремился услужить будущей супруге, чтобы ей легче осуществлять свои планы было. Во всей этой некрасивой истории чувствовалась умелая рука опытного интригана, исподволь, осторожно направлявшего не в меру бойкую дочурку в нужном ему направлении. Именно глава рода мог постепенно, намеками, капля за каплей так запугать Кэти безумными перспективами ее дальнейшей жизни, что она согласилась на аферу с сиятельным, сочтя это самым лучшим выходом из беспросветной ситуации.

Я охотно поведала бы все это саэру Крэазу. Вот только какова вероятность, что мне поверят? Скорее всего, нулевая. Уверения уважаемого главы сильнейшего рода и его старшей дочери против слов отчаянно цепляющейся за жизнь изгнанницы. Да и не замешан хитрец Эктар в истории напрямую. Альфиисе тоже удалось выкрутиться, свалив на меня даже вину за исчезновение отвара из лаборатории целителя. Кстати, мэтр Циольф в случае чего не меня поддержит, а своего работодателя и его кровиночку.

Подозрения у сиятельного по поводу сладкой парочки, конечно, возникнут. Не дурак ведь в самом деле. Думаю, он давно уже изучил гнилую натуру будущего тестя. И если это знание не стало препятствием к заключению брачного сговора, то и история с Кэти его не остановит. Неизвестная мне выгода, судя по всему, пока перевешивает. Так что Фиса с папашей в любом случае немного потеряют. А вот что я обрету, попытавшись сказать правду, это вопрос.

Мысли вихрем кружили в голове, сменяя одна другую. Я кусала губы, лихорадочно перебирая варианты и сомневаясь, все еще сомневаясь.

Сиятельному, не отличавшемуся, по-видимому, особым терпением, надоело ждать. Жестко стиснув плечи, он встряхнул меня, заставляя поднять голову, и прошипел:

– Какая необходимость была рисковать своей жизнью? – Мужчина не отрывал взгляда от моего лица, ловя малейшую эмоцию. – Неужели отчаянное желание стать наidou сиятельного саэра Крэаза заставило тебя так низко пасть? Мечты о

роскошной жизни в моем доме не давали спокойно спать? Убогой сиротке захотелось великолепных покоев и изысканных нарядов?

Тоже версия. И ничем не хуже других.

– А может, тебя принудили это сделать? – не унимался мучитель. – Саэр Ритан Эктар приказал лечь под меня? Зачем? Он что, провел запрещенный обряд, чтобы иметь возможность после передачи прав на наиду моему роду по-прежнему в любой ситуации управлять тобою? Этот глупец рассчитывает, что я, поддавшись нелепому чувству жалости, введу в дом и пущу на ложе полностью подчиненную ему куклу? Говори!

Сиятельный еще раз встряхнул, притягивая поближе. Презрительно искривленные губы почти касались моих. Прозрачно-серые глаза потемнели. В глубине их яростными всполохами бесновалось черное пламя.

Медлить дольше было нельзя, и я наконец решилась. Главное, помнить, что говорить нужно негромко, сипло и с остановками.

– Саэр Крэаз, – близость мужчины нервировала, но вывернуться из его рук не удавалось, – вам интересно, почему я это совершила или что собираюсь делать дальше, как вести себя в вашем доме?

– Мне интересно все, – саэр усмехнулся и чуть ослабил хватку, позволяя немного отстраниться.

– Признаю, в ту ночь я повела себя очень безрассудно, – предельно осторожно подбирала слова: сейчас ни в коем случае нельзя ошибиться. – В том, что поступила так, была лишь моя вина. И за свою глупость я достаточно уже наказана. Вы не считаете?

– Глупость... Даже так, – скривился сиятельный, словно услышав нечто для себя неприятное.

– Моя юность прошла за стенами обители, в несбыточных снах о сказочной жизни. Ведь удел бедной сироты, воспитанницы – стать наидой простого, небогатого саэра. На иное можно и не рассчитывать... – Почувствовала, как лоб

покрывает испарина, ощущения такие, словно по минному полю ступаю. – Вернулась домой и узнала, что старшую дочь рода сговорили за самого сиятельного Саварда Крэза. Каюсь, я позавидовала той, что станет вашей наидой, посмела увлечься безумной мечтой...

Недалекая меркантильная простушка потупилась, будто не в силах дальше продолжать.

– Нелепые фантазии и тайны маленькой дурочки мне абсолютно безразличны, – вполне ожидаемо скривился мужчина. – Все, что интересует, – как во всем этом замешан саэр Ритан. Что поручил сделать? Каковы его планы в отношении тебя?

– Если саэр Эктар и строил какие-либо планы, то они в любом случае провалились. Подчинить меня ему не удалось. Я свободна в своих действиях и желаниях, – услышала недоверчивый хмык в ответ и поняла: не верит. – Это правда. Я изгнана из рода, обречена на смерть и никогда не предаю того, кто спасет мне жизнь.

Саэр Крэз молчал, никак не реагируя на более чем прозрачный намек. Ждет, что брошусь ему на шею с жаркими уверениями: «Ваня, я ваша навеки»? Или начну нудно завывать: «Ну возьмите меня», надеясь, что мужик не сбежит, а сжалится, или сжалится до того, как сбежит?

– Зачем мне нужна отверженная, если я могу взять наиду из влиятельного рода, которая принесет с собой и его поддержку? – отмер наконец Крэз.

Другими словами: «А что вы можете дать нашей компании?» Везде одно и то же.

– Вместе с поддержкой получите и дополнительные проблемы. – Ох, надеюсь, эти доводы окажутся достаточно убедительными. – Если саэр Эктар, как вы считаете, способен провести подобный ритуал, то почему бы главе другого рода не попытаться сделать то же самое со своей кандидаткой в наиды? За каждой из девушек стоит ее род со своими надеждами и претензиями. Лишь я, безродная, буду принадлежать только вам телом и душой. Полностью и без остатка.

– Почему я должен верить тебе, девочка?

А вот это вопрос вопросов. Действительно, почему? Я бы, например, так легко не поверила.

Собралась с силами, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, хотя внутри все дрожало от напряжения.

– Никто и не просит доверять мне на слово. Можно ведь проверить, правду ли я говорю, – сказала и замерла. Если такой возможности в этом мире нет – мне конец.

– Ты согласна на добровольное магическое испытание на родовом артефакте? – недоверчиво прищурился сиятельный.

Видимо, добровольное согласие в этом мире имеет принципиальное значение.

– Да, согласна, – а что еще можно было ответить.

Мужчина ощутимо расслабился. Черное пламя в глазах потухло, растворившись в прозрачно-серой дымке.

– Помнится, ночью я уже слышал от тебя эти два слова. – Меня внезапно снова притянули поближе. – До того, как ты вдруг решила хранить таинственное молчание. Мне понравилось все, что за тем согласием последовало. А тебе?

Оценивающий взгляд прошелся по лицу и остановился на губах, доводя почти до истерики, заставляя задохнуться от понимания того, что сейчас произойдет.

– Помню твой дурманный вкус, что так кружит голову, – пробормотал сиятельный, – или это лишь обман разгоряченного вином воображения?

Саэр наклонил голову, и я закрыла глаза, смиряясь с неизбежным.

Его уверенный, властный, без намека на чувственность поцелуй не дарил наслаждение и не ввергал, как принято говорить, в пучину страсти. Он подчинял, завоевывал, клеймил добытую в бою собственность. Оставалось лишь обмякнуть в сильных руках, не сопротивляясь, но и не отвечая захватчику.

Через несколько мгновений мужчина наконец отстранился, напоследок еще раз скользнув по губам жадным взглядом.

– Пустите, – шепнула чуть слышно, упираясь руками в твердую, словно литую грудь. – Пожалуйста!

– Сладкая, – хриплый смех в ответ, – все такая же сладкая и непокорная. Занятно.

Савард не отпустил, а почти отшвырнул меня, резко развернулся и пошел к двери. Но через несколько шагов остановился. Проговорил сухим, жестким тоном:

– Если я все-таки решу остановить свой выбор на тебе, перед тем как стать моей собственностью, пройдешь ритуал взыскания истины на родовом артефакте Крэзов.

Глава 4

Мори вбежала в комнату буквально через несколько минут после того, как я осталась одна. Складывалось впечатление, что женщина все это время караулила где-то неподалеку, дожидаясь, пока высокородный гость уйдет.

– Что сиятельный саэр так долго делал в вашей спальне, госпожа моя? – заголосила она с порога, подтверждая подозрения на свой счет. – Все в порядке?

– Все хорошо, – устало опустилась на кровать. – Не стоило так волноваться.

– Как же не стоило-то? – всплеснула руками впечатлительная служанка. – Вы остались с мужчиной чужого рода вдвоем за закрытой дверью. Разве не сказано в Наставлении: «Избегай собрания мужей, а пуще того – встреч наедине, ибо как стекло, падши на камень, разбивается вдребезги, так и дева...»

Мне надоело слушать однообразные причитания. Да и с нелепыми поучениями сегодня был уже явный перебор. Может статься, жизни полдня всего и осталось,

хоть верить в подобное отчаянно не хотелось. Бредовые проповеди и назидания – совсем не то, что сейчас нужно для решения неотложных проблем.

– Я уже не дева, Мори, – перебила немного резче, чем хотелось.

Женщина осуждающе выдохнула, качая головой. Что ей не понравилось – слова, интонация или напоминание об утрате «бедной девочкой» невинности, уточнять не стала. Неинтересно было. Да и боль потихоньку возвращалась, легкими толчками пульсируя в теле.

Устала. Как же я все-таки устала.

– Госпожа, – всхлипнув, первой не выдержала служанка. – Я боялась, что сиятельный саэр сотворит с вами что-нибудь непотребное. Все время, не переставая, молила Лиос заступиться, оградить от нового несчастья.

– Все, что со мной могло случиться «непотребного», все равно уже произошло, Мори, – горько усмехнулась. – Мы с саэром Крэазом говорили о... будущем. Ты ведь знаешь, все теперь зависит только от его выбора.

Какая ирония! Сам тебя погубил, сам и спасу. Если сочту нужным. Впрочем, я не совсем справедлива по отношению к сиятельному. Он не вынашивал коварных планов и не прикладывал никаких усилий, чтобы заполучить в свою постель глупышку Катэль. Просто уступил, не стал пренебрегать тем, что само в руки упало. Как и Артем. «Зачем же отказываться, когда так настойчиво предлагают», – раздался в ушах раздраженно-насмешливый голос. Такой реальный, что захотелось немедленно оглянуться – посмотреть, не стоит ли за спиной «любимый муж». Неужели мне суждено вновь и вновь сталкиваться в жизни с подобными ситуациями?

– Выбор, – вдруг охнула женщина – Скоро же начнется церемония! Я и бежала сюда, чтобы подготовить вас, одеть, причесать. Саэр Ритан был так добр, что внял просьбам и временно отменил для прислуги запрет на посещение.

Глава рода резко проникся ко мне состраданием? Скорее испугался, что слабеющая жертва не сможет сама как следует собраться и не явится, когда положено и в должном виде, пред светлые очи дочуркиного жениха. Подстраховался, «вняв просьбам».

– Так чего же мы сидим? – безучастное равнодушие в очередной раз временно отступило, сменившись лихорадочным возбуждением. – Поможешь стать красавицей, родная?

Ласковое обращение опять сработало. Мори встрепенулась, разулыбалась и, вцепившись в руку, резво потащила в сторону ванной, приговаривая:

– Как же не помочь? Все силы приложу, не сомневайтесь. Моя девочка самой красивой будет.

И я, не сопротивляясь, сдалась на милость деятельного водоворота, что подхватил, закружил в своих объятиях, понес вперед неудержимой волной.

В течение следующего часа меня в очередной раз вымыли, впервые за день накормили. И на том спасибо: лучше поздно, чем вообще никогда. Обрядили в очаровательное нежно-голубое платье, выдали мягкие туфельки ему в тон и, усадив перед зеркалом, принялись расчесывать волосы.

Да-да. Зеркало в спальне, оказывается, тоже было. Пряталось за шторкой недалеко от изголовья кровати.

«Ибо срамно ежеминутное самолюбование и укоризненно бесстыдство очей. Надлежит деве смиренно обуздывать...» – как поведала Мори, отдергивая драпировку.

Дальше уже не слушала. И так ясно, что деве «надлежит обуздывать». Интересно, в спальне Альфиисы зеркало тоже всегда занавешено от «бесстыдства очей»? Наклонила голову, гася улыбку, – в подобное верилось с трудом.

Сыто и потому немного осоловело следила за быстро мелькающими руками, отмечая как ловко и сноровисто женщина переплетает прядь с прядью, убирая их в изящную прическу.

– Мори, – вопросы так и рвались с языка, но сначала нужно было все-таки подстраховаться, – целитель объяснил, что со мной случилось? С голосом и памятью?

– Ах, госпожа, – пригорюнилась служанка, – недаром говорят, что одно несчастье другие приманивает. Бедная моя девочка, сколько всего на вас сразу навалилось. Мало было чистоту утратить, так еще говорить нормально не можете, вон как хрипите, больно слушать, и забывчивы стали, хуже старухи древней. Как же саэру Крэазу теперь понравиться, с такими-то недостатками?

Да, немая склеротичка сиятельному точно не нужна. Надо бы при нем амнезию свою лишней раз не демонстрировать. Редко кто из мужиков убогих да больных женщин жалует. А вот служанку расспросить поподробнее не помешает. Раз уж возможность такая представилась.

– Мори, не могу припомнить, как ты стала моей кормилицей?

– Вы и не знали этого, госпожа. Кому было говорить? Совсем малышкой вас у меня отняли да в обители закрыли. А как вернулись, старой кормилицей не интересовались больше. Только с сиррой Альфиисой общались, ее лишь видели, – в голосе женщины прорезалась жгучая обида.

– Ну прости, родная! Послушай, если мама сделала такой выбор, значит, у тебя в то время тоже ребенок был, мой молочный брат или сестра? А где он сейчас?

Лицо служанки потемнело.

– Ни одна сирра не допустит, чтобы ее ребенок был вскормлен тем же молоком, что и простолюдин. Подобное родство недопустимо. В кормилицы берут лишь бездетную нару, потерявшую собственного младенчика.

Замерла, предчувствуя еще одну печальную историю.

– Я девочку свою с утра покормила и в соседнюю деревню к родителям побежала, – медленно начала рассказывать женщина. – Матушка хворала тем летом сильно, так я по хозяйству при первой же возможности помогать старалась. Думала, пока дочка спит, успею обернуться. Нэд в тот день дома оставался, вот и присмотрел бы, ежели что.

Она сглотнула, собираясь с духом.

– Когда вернулась назад, семьи больше не было. Да и деревни тоже. Маги искали что-то в горах по приказу императора, как раз над нашим поселением. Несколько дней подряд взрывы слышны были. Что уж в тот день случилось, не знаю. Говорят, земля вдруг трястись начала, сильно так. Провалы страшные образовались. Все дома разом рухнули, как будто из тоненьких стебельков сделаны были. Любимых своих я не нашла, сколько ни пыталась. Ни среди живых, ни среди мертвых. Как только молоко не перегорело, не знаю. Несколько дней от горя сама не своя была, о смерти Проклятую просила. А как вас на руки взяла, будто очнулась сразу. Спасла душу мою тогда малютка Кэти.

– И что же, никто не выжил? – шепнула, все еще находясь под впечатлением от услышанного.

– Почти все, кому в тот ужасный день уцелеть удалось, от ран умерли. Травницы хорошо свое дело знают, но они не всемогущи.

– А маги? Что они делали, где были? Почему не помогли людям? – от возмущения я даже подпрыгнула на месте и тут же замерла, встретив настороженный, хмурый взгляд.

– Нарам запрещено применять магию. Одаренным запрещено оказывать нарам любые магические услуги. Под страхом смерти, – отчеканила ставшая вдруг мгновенно чужой женщина. – И уж об этом вы никак не могли позабыть, сирра.

Внутри словно натянутая струна оборвалась, расслабленности как не бывало. Тяжело забились в висках притихшая боль. Слишком разомлела, утратила бдительность, и вот результат.

С каждой секундой Мори становилась все напряженнее и мрачнее. Мысленно взмолилась богам всех миров об удаче и рухнула, как в пропасть головой.

– Разве можно забыть об одном из главных законов страны, родная? – Увы, на этот раз нежное словечко не сработало, в глазах собеседницы продолжал стыть тот же вопрос, требующий немедленного ответа. – Но он так несправедлив! – Негодование мое было неподдельным, закон на самом деле абсолютно дикий. – Существуют же исключения. Именно маги повинны в том, что произошло, вот я и подумала... надеялась... Мне просто стало очень больно за тебя, нянюшка!

Почему в голове внезапно всплыло это слово, не знаю. Но эффект превзошел все ожидания.

Женщина всхлипнула, заморгала, пытаясь удержать подступающие слезы. В глазах ее постепенно таяло непонимание и опасливая отстраненность.

– Я уж подумала, моя малышка все-все забыла и вспоминать ни о чем не хочет. Как вернулись из обители, за два месяца ни единого разочка так меня не назвали. Все Мори да Мори. Совсем в чужую для вас превратилась.

Мне вдруг стало невыносимо жаль эту несчастную, одинокую женщину, на всю жизнь душой прикипевшую к чужому ребенку. Повинуясь внезапному порыву, обернулась, обняла крепко и уткнулась лицом в мягкую грудь, всем существом впитывая теплоту и ласку, которыми со мной щедро делились. Впервые в этом суровом и страшном мире.

– Если судьба окажется благосклонна, не оставляю тебя одну, нянюшка, – то ли пообещала ей, то ли поклялась себе самой.

– Вы всегда были доброй девочкой, – ласковые поглаживания по плечу несли утешение нам обеим. – Всех постоянно жалели. Вон и мою историю как близко к сердцу приняли, о низкородных переживать вздумали. А я уж, грешным делом, испугалась, не поглотил ли мою Кэти мрак Проклятой? После прошедшей ночи да отречения немудрено совсем пасть духом, на богов начать роптать. А уж Падшая в таких случаях не дремлет, сразу душу-то захватывает. Видела я однажды, по молодости, одержимого, перед тем как его убили. Страшное зрелище! Глаза дикие, бросается на всех, никого не узнает, ничего не помнит. Даже на имя свое не откликается.

Да... Хорошо, что я в беседе с целителем на полной амнезии настаивать не стала, а то заподозрили бы в одержимости какой-то там Проклятой. А ее в этом мире, судя по всему, страшно боятся. Уничтожили бы, как того несчастного мужика из рассказа служанки. А он, вполне возможно, тоже, как и я, иномирянином был. Растерялся человек в незнакомом мире, не стал скрываться, а в результате – быстрый и бесславный конец.

Так что бдительность, бдительность и еще раз бдительность. Расслабляться ни с кем нельзя. Даже с Мори, к сожалению. И на свои вопросы ответы придется

самостоятельно искать. Никогда ведь не знаешь заранее, какие из них можно оправдать временным легким расстройством памяти, а какие говорят о полном незнании основополагающих законов и реалий местной жизни и указывают на пресловутую одержимость. Что Кэти делала с тех пор, как ее из обители забрали, все эти два месяца? С кем кроме Фисы и ее папочки общалась? Очень надеюсь на нелюдность девушки, робость и замкнутость, но осторожность все равно не помешает. До вечера немного осталось. А там жизнь моя в любом случае безвозвратно изменится.

– С характером таким лучше бы вам в семье наров, госпожа, родиться, уж простите. – Теплая рука осторожно провела по лицу. – Пусть не имеем мы ни силы, ни власти, ни магии, зато жизнь наша намного проще. Нет никаких наид, а вот любовь между мужем и женой встречается. И семьи, что в согласии до старости доживают, тоже. А у вас, высокородных, что? Вон саэр Эктар уже двух наид во тьму проводил, третью полгода назад взял. Да и сирра Эктар, жена его, особо счастливой не выглядит. Эх, да что уж теперь.

Еще один горький вздох.

– Давай заканчивать, Мори, – мягко отстранилась от кормилицы, разворачиваясь на стуле.

– Сейчас-сейчас, – всхлипнув напоследок, заторопилась женщина, – совсем немного осталось.

Несколько минут она колдовала надо мной, что-то поправляя и подкалывая, потом удовлетворенно отступила.

– Вот, госпожа, готово.

После всех сегодняшних испытаний я боялась увидеть нечто с синяками под глазами, тоской в потухших глазах и неестественной бледностью, поэтому долго не решалась прямо взглянуть на свое отражение. Пока Мори помогала собраться, смотрела куда угодно, на ее руки, на узор на платье, но только не на себя. И вот теперь медленно, неохотно подняла глаза и замерла.

За время, прошедшее с церемонии отлучения, внешность моя действительно изменилась. Но совершенно странным образом. Нет, неестественная бледность

присутствовала, но была она какой-то завораживающей. Есть такое понятие в старых романах – «чахоточная красота». Именно оно и пришло в голову, пока я, ошарашенная увиденным, жадно изучала лицо напротив. «Самые красивые – люди на последней стадии туберкулеза. Прекраснее их никого на свете быть не может», – вспомнила прочитанную когда-то фразу и тут же безоговорочно с ней согласилась.

Не бледная, нет, белоснежная кожа выглядела прозрачнее, чем обычно, будто светилась изнутри. И без того огромные глаза стали, казалось, еще больше. Неестественно яркие, влажные, они лихорадочно блестели, освещая лицо, делая его ослепительно прекрасным. Взгляд этих дивных глаз был странно затуманен, словно расфокусирован, что придавало ему таинственность и неожиданную для меня томность. На щеках горел тонкий румянец, наделяя облик дополнительным очарованием. Видно, недаром в Средние века девочек двенадцати – тринадцати лет специально заражали туберкулезом, чтобы сделать привлекательнее для женихов. Хрупкая, подаренная на миг красота. Такая притягательная и в то же время пугающая до дрожи. Красота, овеянная дыханием близкой смерти.

Я так и не рассмотрела толком ни изящного легкого платья, ни плетения замысловатой прически. Как зачарованная все вглядывалась и вглядывалась, не отрываясь, в чужое лицо, которое не успела до конца ощутить своим, пока Мори наконец не задернула шторку, решительно выдохнув:

– Пора идти, госпожа.

В гостиной мы наткнулись на Альфиису, и я обрела сомнительное счастье лицезреть старшую дочь рода во всем блеске ее отшлифованной красоты. Великолепное мятного цвета платье из струящейся ткани мягко подчеркивало изгибы роскошного тела, выгодно оттеняя прекрасные зеленые глаза и уложенные в элегантную прическу темно-рыжие волосы. Глубина декольте была, несомненно, тщательно выверена, чтобы и мужскому глазу было за что зацепиться, и простор для нетерпеливой фантазии оставался.

Фиса, полностью одетая, причесанная, готовая к грядущему триумфу, стояла посередине комнаты и что-то раздраженно выговаривала суетящейся вокруг нее худенькой русоволосой девушке.

Мое появление родственница «не заметила», а на пожелание доброго дня не соизволила отреагировать. Ее служанка, бросив быстрый взгляд исподлобья, тут же вернулась к своим делам, промолчав, как и хозяйка. Пожав плечами, спокойно прошла мимо. На данный момент Фисины тараканы были наименьшей из моих проблем.

Я почти дошла до выхода из гостиной, когда голос сзади надменно приказал:

– Кора, Мори, подождите за дверью!

Посторонилась, пропуская выбегающих служанок, и вопросительно посмотрела на Альфиису.

– Кэти, уверена, ты не станешь нарушать правила в надежде на мою былую доброту, – продолжая стоять спиной, холодно отчеканила родственница. – Ты, как отлученная от рода, не имеешь права ни с кем заговаривать первой. Тем более со мной. Что бы ни связывало нас в прошлом, сейчас я – невеста сиятельного саэра, а ты – утратившая чистоту безродная и должна знать свое место. Теперь ступай.

Молча развернулась и вышла в коридор к нетерпеливо поджидающей меня верной няне.

– Мы можем пройти коридорами для прислуги, Мори?

– Но как же, госпожа, вы ведь сирра! – растерянное недоумение на лице женщины в другой ситуации позабавило бы, но сейчас на веселье не было ни времени, ни сил.

– Очень хочется как можно дольше оставаться незаметной для всех, оглядеться, понять, что к чему, – неожиданно для самой себя поделилась сокровенным. – Тяготят чужие липкие взгляды, презрение и осуждение в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ardova_alisa/moe-proklyatie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)